

Слишком близко

Автор:

Аманда Рейнольдс

Слишком близко

Аманда Рейнольдс

Психологический триллер (АСТ)

Джо Хардинг просыпается в больнице с частичной амнезией после падения с лестницы в собственном доме...Любимый муж и дети, заботясь о ней и ограждая от любого стресса, стараются не вдаваться в подробности в разговорах о прошлом.

Что же произошло в тот роковой день? Несчастный случай?..В памяти Джо всплывают обрывочные видения: привлекательный мужчина, к которому она испытывает симпатию, лицо женщины, искаженное страхом... Должно быть, воображение обманывает Джо, или она путает галлюцинации с явью? Ей приходится по крупицам собирать собственные воспоминания, чтобы воскресить в сознании события прошедшего года... Или стоит смириться с потерей памяти и начать новую жизнь? Ведь правда, которую скрывают от Джо близкие, может оказаться шокирующей...

Аманда Рейнольдс

Слишком близко

© Amanda Reynolds, 2017

Школа перевода В. Баканова, 2018

* * *

Двадцать один день после падения

Я инстинктивно отворачиваюсь от мужа и сползаю к самому краю кровати – только бы оказаться подальше. Сознание словно парит в невесомости между сном и явью. Поежившись, крепче зажимаю глаза. Глубокая ночь окутывает холмы черным покрывалом. Ветер продирается сквозь кроны высоких деревьев у подъездной дорожки, дождь барабанит по черепице и стекает по каменным стенам. Наш дом, перестроенный из амбара, возвышается на холме одинокой глыбой. Я буквально вижу, как вода заливает огромные окна и затапливает сад, постепенно просачиваясь в почву.

Муж размеренно сопит рядом, дом наполнен ночными звуками: тиканьем часов на кухне, тихим жужжанием сушилки для белья. Я закутываюсь в одеяло и отдаюсь во власть подсознания, почти физически уходя от реальности. В памяти всплывают картины прошлого, неяркие и обрывочные. Чем настойчивее я вглядываюсь, тем бесцветней они становятся, как будто дразнят. И тут неожиданно возникает новый образ, непрошенный, но желанный. Как ни хочу я воскресить прошлое, в глубине души мне страшно узнать правду.

Он хватает меня и с силой припечатывает к стене, навалившись всем телом. Его глаза сверкают не то от страсти, не то от гнева. Я тянусь руками к его лицу, ищу его взгляд в надежде, что он одумается. Жарко сопя мне в ухо, он перехватывает мою руку, вонзает ногти в запястье, так что на коже проступают капли крови, и снова резко прижимает меня к стене. Точно помню, что я сопротивлялась – впившись ногтями, сжимала его руку, пока он не вскрикнул от боли.

Я открываю глаза. Теплые рассветные лучи рисуют затейливые узоры на потолке. Грудь мужа медленно поднимается и опускается в такт дыханию. Через мгновение он приоткрывает глаза и улыбается мне невинно и беззаботно, как будто прошлого года и не было.

Глава 1

Падение

Гладкие плиты холодят спину. Прожилки цемента, образующие орнамент на полу, шершавые, как пилочка для ногтей. Я могу пошевелить только левой рукой, но ощущаю себя невесомой.

– Джо, ты меня слышишь? – шепчет Роб, влажно дыша мне в ухо и царапая щеку щетиной. – Джо, ответь, ради бога! Как ты себя чувствуешь? Скажи что-нибудь!

Его голос, многократно усиленный эхом, рассеивает тьму и выталкивает меня в реальность. Я хватаю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. В двери стучат, настойчиво требуя открыть, но Роб не реагирует, бесконечно допытываясь, что со мной. Я молчу, не в силах произнести ни слова. Наконец он открывает дверь, впуская в дом ледяной ветер. Я слышу женский голос – спокойный и размеренный – и проваливаюсь в блаженное забытие; меня словно окутывает прохладное одеяло, освобождая из стальных объятий боли.

Сознание возвращается, неотвратимо и настойчиво. Сначала сквозь сомкнутые ресницы проникает свет, следом приходят звуки и наконец изображение. Трудно сказать, как давно я тут лежу. Я пытаюсь вспомнить, что произошло, беспокойно шаря пальцами по каменным плитам, как будто ищу успокоения в их прохладе.

Я была на лестничной площадке, Роб гнался за мной по пятам...

– Нет!

– Не волнуйтесь, Джо. Вы снова потеряли сознание. Сейчас мы окажем вам помощь, – говорит женщина. От нее исходит резкий вяжущий запах, теплое дыхание щекает лицо. – Пожалуйста, лежите спокойно.

Я дрожу всем телом на ледяном сквозняке, проникающем во все уголки огромного дома. Пятнадцать лет назад я еще надеялась, что мы сможем укротить стихии и обжить эту пустошь, но ветер оказался сильнее. Суровые вихри выдергивают тонкие побеги из нежной почвы, расшвыривают саженцы,

срывают ворота с петель, выхватывают из рук двери машин, ломая ногти и оставляя синяки на голеньях.

– Джо, ты помнишь, что случилось? – спрашивает Роб. – Ты упала. Оступилась и упала с лестницы. Я шел следом. Я пытался тебя спасти, Джо! Пытался спасти! – настойчиво повторяет он, как будто это воскресит мою память.

В палец впивается иголка, плечо обхватывает манжета тонометра, тело облепляют датчики. Я силюсь приподняться, но Роб велит лежать спокойно и, взяв меня под мышки, сажает к себе на костлявые колени. Я безвольно повисаю в его объятиях, таких тесных, что трудно дышать.

– Джо, можете ответить на несколько вопросов? – говорит спокойный голос.

– Она только очнулась! – кричит Роб, и я вздрагиваю от боли в висках. – Что за срочность?

– Роб, помолчите, дайте Джо ответить, – твердо говорит голос.

Я открываю глаза. В лицо бьет яркий свет, при виде уходящих вверх ступеней кружится голова.

– Он мне мешает, – говорю я. Горячие пальцы Роба гладят мне шею и сжимают плечи. – Попросите его отпустить меня! – Я вырываюсь и вскрикиваю от боли.

– Роб, отодвиньтесь, пожалуйста, и позвольте нам делать свою работу. – Женщина склоняется надо мной, и я стараюсь ответить на ее бесконечные вопросы: где болит, как я себя чувствую. – Джо, вы помните, что делали, прежде чем упали?

Я смотрю на дверь в комнату Фина.

– Переживала. Из-за Фина.

– Фина? – участливо переспрашивает она.

– Это наш сын, – подсказывает Роб, стискивая мою руку.

Запястье пронзает боль. Разжав пальцы, Роб просит прощения, повторяя снова и снова, что он не нарочно. Мне хочется одного – чтобы он убрался подальше.

– Роб, пожалуйста, не мешайте. – Женщина берет меня за второе запястье. – Джо, я сейчас дам вам обезболивающее.

– Уберите его от меня! Пусть он уйдет! – Голова словно наполняется кипятком, который вот-вот прожжет череп. Веки сами собой опускаются; голоса затихают где-то вдали.

Когда я открываю глаза, свет еще ярче прежнего. Меня встряхивает: машина «Скорой» спускается по холму. Провода от каких-то аппаратов, бесконечные вопросы... Роб снова рядом, и от него не спастись: я крепко пристегнута к кровати ремнями. Не знаю, почему он мне так неприятен, но от его прикосновений меня передергивает.

– Сколько лет вашей жене? – спрашивает незнакомка. Наконец удастся разглядеть ее лицо – она моложе, чем я думала.

– Пятьдесят пять. – Судя по голосу, Роба душат слезы. Странно, он ведь никогда не плачет.

– Нет, – еле слышно шепчу я. – Еще не исполнилось.

– Что ты говоришь, Джо? – Роб склоняется надо мной.

Отвернувшись, я прикрываю глаза и пытаюсь заснуть, но тут же подсакиваю.

– А дети знают?

– Я им позвоню, когда приедем в больницу.

Не нужно их беспокоить, прошу я. Особенно Фина, у него и так полно забот в первый день учебы.

– В первый день? – изумляется Роб. – Джо, ты о чем?

Отвечать нет сил, и я снова закрываю глаза. Череп, словно гироскоп, реагирует на все ухабы и неровности на дороге. Я представляю, как мозг плавает в жидкости, как плод в матке. Боль не дает провалиться в сон, а язык, несмотря на ясность сознания, не слушается. Почему Роб сказал, что мне пятьдесят пять, он же обычно такой педант? До моего дня рождения еще два месяца.

Машина резко поворачивает за угол, и Роб снова повторяет, что я упала, затем склоняется надо мной и, едва не касаясь губами моего рта, шепчет:

– Джо, все будет хорошо, я обещаю.

– Довольно с меня твоих обещаний, негодяй! – шепчу я.

Глава 2

Один день после падения

– Если ты захочешь меня убить, то каким способом? – спрашиваю я, протягивая к Робу руки в темноте. – Я-то уже все решила: зарезу тебя кухонным ножом. – Я смеюсь и придвигаюсь ближе, глядя его обнаженную грудь.

–?А я еще не думал. – Он подносит мою руку к губам и осыпает ладонь поцелуями. Я взвизгиваю от удовольствия, а он прижимает меня к себе. В его объятиях так надежно и тепло...

– Да уж, натерпелись вы страху! – Зычный голос медсестры выдергивает меня из глубокого сна. Она отодвигает шторы, и я невольно моргаю, прикрываясь от дневного света левой ладонью. Правой рукой больно шевелить. Фокусирую взгляд на медсестре. Из тугого узла за затылке выбиваются светлые локоны. Движения порывистые и энергичные, под стать бодрому тону разговора.

– Обход уже начался, так что давайте сядем. – Она вынимает пульт от телевизора из моих слабых пальцев, второй рукой распутывая провода, и

нажимает кнопку, поднимающую изголовье кровати.

– Не знаете, муж принес мой телефон? – Я улыбаюсь, но голову пронзает резкая боль между висками, как выстрел навывлет. – Я без него как без рук.

– Ох уж эти дамочки со своими телефонами! – смеется медсестра, расправляя одеяло. – Пока нет, думаю, он в пути. Он так волновался о вас вчера – все твердил, что вы упали, как будто не мог поверить... Бедняга, такое потрясение! – Должно быть, я морщусь, потому что она торопливо спрашивает: – Плохо, да, Джо? Что болит?

– Голова. – Глаза наполняются слезами, и я зажимаюсь в надежде унять мучительную пульсацию в висках. Не выходит. – Я ничего не помню. Все только повторяют, что я упала, но сама я ничего не знаю. Может, вы знаете?

Она снова раскрывает бежевую папку.

– Давайте-ка прочитаем.

Я опускаю глаза и разглядываю больничную рубашку и предплечья, лежащие поверх одеяла. Из-под тугой повязки, идущей от пальцев до локтя правой руки, расплывается огромный синяк. Два ногтя сломаны под корень, как будто я в отчаянии пыталась уцепиться за что-то твердое.

– Тут написано, в восемнадцать ноль две приехала «Скорая», – будничным тоном сообщает медсестра. – Вы свалились с лестницы, дорогая. Не помните?

Я качаю головой, и виски сжимает новый жестокий спазм.

– Помню, что лежала внизу лестницы, а потом, наверное, потеряла сознание. Не знаете, в котором часу вчера вернулся Роб? – Я начинаю плакать: доброта медсестры располагает к доверию. – И я толком не помню, что было в больнице. Когда муж ушел домой?

– Джо, не мучайте себя. Я попрошу врача дать вам обезболивающее по сильнее. А пока лежите. – Она придвигает стационарный аппарат для измерения давления ближе к кровати и надевает мне манжету на предплечье. – У вас дети

есть?

– Двое. Саша и Фин. Фин только что уехал в университет.

Она улыбается.

– Представляю, как вы гордитесь ими. А дочь тоже будет поступать?

– Она уже закончила учебу, нашла работу и живет отдельно.

Медсестра громко смеется.

– Да ладно! Вы же совсем молодая!

В дверь стучат, и медсестра бросается открывать. Манжета наполняется воздухом – кажется, «липучка» сейчас расстегнется – и плавно сдувается. В палату заходит молодой мужчина с темно-кариими глазами.

– А вы сегодня лучше выглядите, миссис Хардинг, – произносит он с сильным акцентом. Затем интересуется у медсестры моим давлением – судя по всему, вчера вечером оно было нестабильно.

– Отличные новости – давление уже в норме. – Она бросает на меня взгляд, строго приподнимая брови, как будто я наконец взялась за ум.

Я улыбаюсь в ответ и прошу ее посидеть со мной еще немного. Ну вы и выдумщица, смеется она, однако я настаиваю: боюсь оказаться с Робом наедине. Стоит мне подумать о нем, как перед глазами встает его перекошенное лицо там, на лестнице, хотя подробностей я не помню. Мы ссорились? И поэтому я упала? Пыталась убежать от него?

– Так-так. – Врач изучает записи в папке и удовлетворенно кивает. – Очень хорошо. А как головная боль, Джо?

– Не проходит, – отвечает за меня медсестра. – Мы даже немного поплакали.

– Тогда я выпишу обезболивающее. Вас тошнит? Голова кружится?

– Вроде нет.

Его темные глаза просвечивают меня, словно рентгеновский луч.

– Вы успешно прошли все наши цветовые тесты[1 - Имеется в виду тест М. Люшера, позволяющий измерить психофизиологическое состояние человека.]. Если хотите, можете ехать домой. – Я медлю, но он продолжает: – Вот и хорошо. Я выпишу вам обезболивающие. И вам выдадут информационные проспекты, помните, мы о них говорили?

– Я не... – Открывшаяся дверь прерывает меня на полуслове.

– Дорогая, ты выглядишь немного лучше. – Роб появляется на пороге с дорожной сумкой в руках, и посторонившись, пропускает медсестру в коридор. Он ставит сумку на пол и наклоняется меня поцеловать, но я отворачиваюсь. Нахмурившись, он спрашивает, как я себя чувствую.

– Мистер Хардинг. – Врач протягивает небольшую ладонь мужу. – Я мистер Агравал, мы с вами коротко поговорили вчера вечером. Судя по всему, ваша жена идет на поправку. У нее неприятное растяжение сухожилия на правой руке, синяки и ушибы, но больше всего нас беспокоит травма головы. Она сильно ударилась и, как я понимаю, несколько минут провела без сознания.

– Правда? – Я вспоминаю рассерженное лицо Роба, холодный пол в холле... Между этими эпизодами – пустота. Меня везли на «Скорой», потом мы целую вечность ждали рентгена и УЗИ, а потом еще не сразу нашли свободную койку; Роб настаивал на частной палате, и это привело к новой задержке. Мне до смерти хотелось спать, даже о детях я забыла. Сейчас эта мысль приводит меня в ужас. – Как дела у Саши и Фина? – спрашиваю я, прерывая диалог Роба с врачом.

– Она была без сознания минуту-две, точно не помню. – Роб садится на стул у койки и кладет кулак на голубое вафельное покрывало. – У детей все хорошо. Конечно, оба за тебя волнуются, но в остальном все отлично.

Ничего, скоро увидите, заверяет врач – наверное думает, что дети еще школьники и живут с нами.

– Домой? – Роб встает на ноги. – Прямо сейчас?

Врач сообщает, что в ближайшие сутки-двое меня нельзя оставлять одну, однако в целом я готова к выписке. Роб протестует: по его мнению, мне нужен больничный уход. Врач уверяет, что под присмотром я вполне могу находиться дома. Это невозможно, взвизгивает Роб. Ему нужно подготовиться, у него работа и прочие дела. В последний момент вспомнив о моем присутствии, он добавляет, что все решается, только нужно сделать несколько звонков. Между прочим, мог бы с этого начать! На его фальшивую улыбку противно смотреть, и я отвожу глаза.

– Вот и хорошо. – Врач делает какие-то записи. – Конечно, меня беспокоит потеря памяти. Амнезия часто сопровождает такие травмы, но в данном случае поражает ее масштаб. Я только что напомнил вашей жене о...

– Не поняла. – Я перевожу взгляд с врача на мужа. – О чем это он?

Роб снова опускается на стул у кровати.

– Вчера вечером, после падения, врач со «Скорой» попросила тебя описать самое последнее событие, которое ты помнишь. Знаешь, что ты ответила?

Что же было вчера? «Скорая», бесконечные обследования, мутный сон после снотворного...

– Помню, как ехала в «Скорой», потом...

– Нет, до того. – Он косится на врача. – Ты что-то сказала про Фина, что тебе грустно, а потом уже по дороге в больницу...

– Джо, расскажите о своем самом недавнем воспоминании, – вмешивается врач.

Я знаю, что очнулась на полу, на холодных каменных плитах. Дверь была распахнута, и в холле бушевал ветер. Я пытаюсь вспомнить, что было до этого,

но связная картина не складывается.

– Кажется, мы с тобой стояли на лестничной площадке, – говорю я Робу. – Что между нами происходило?

– Мы спускались, но тут ты оступилась. Не помнишь?

– Не торопите свою жену, мистер Хардинг. – Врач придвигается ближе. – Пусть она сама расскажет.

– Извините. – Роб отходит к окну и поворачивается к спиной.

– Самого падения не помню, – говорю я. – Помню только, что очнулась внизу.

– А что было перед этим, Джо? Хоть что-нибудь можете назвать?

Я медлю, пытаюсь в этот раз воскресить в памяти хоть какую-то мелочь. Еще и головная боль мешает сосредоточиться. Не могу утверждать, что мы с Робом ссорились, но события того дня представляю себе вполне ясно.

– Мы только что вернулись: отвозили сына в университет, – говорю я. Роб оборачивается ко мне, прикрыв рукой рот. – Я не хочу испортить Фину начало учебы. Скажи ему, чтобы не волновался и не приезжал.

– Господи, Джо! Это правда последнее, что ты помнишь? – Роб снова опускается в кресло у кровати. – Вчера вечером ты была немного не в себе, однако я думал, что к утру...

– Что к утру? – Я пытаюсь подняться, правое запястье пронзает боль.

– Я знаю, что ты не помнишь падения, но... – Он отводит взгляд, косясь на врача.

– Что случилось? Что-то с детьми? Роб, не молчи!

– Я уже сказал, у Саши и Фина все хорошо. – Он со вздохом берет мою здоровую руку и, глядя на наши переплетенные пальцы, медлит. Почему-то его

прикосновение кажется чужим. – Это было не вчера, Джо, – наконец говорит он. – А год назад.

– Ты что-то путаешь. – Я отдергиваю руку.

– Нет, Джо. Фин пошел в университет в сентябре прошлого года.

Врач пускается в рассуждения об эпизодической и семантической памяти. Вероятнее всего, я помню свою повседневную жизнь, несмотря на то что события последних двенадцати месяцев мне в данный момент недоступны... Да нет, исключено! Я ясно помню: мы отвезли Фина в университет и вернулись в пустой дом. Помню, как пахла его постель, когда я собирала ее для стирки. По ощущениям, это все было вчера. Не могла же я потерять целый год из-за того, что приложилась головой к каменной плите. Я жива и относительно здорова, если не считать пары синяков и шишек. Тут какая-то ошибка. И все же, даже отмечая пугающие факты, я чувствую, что они правдивы. Возможно, для меня Фин пошел учиться вчера, но где-то в глубине души я знаю, что между двумя эпизодами – в пустой комнате сына и внизу лестницы – огромная дыра, колоссальный провал в сознании.

– Роб? – шепчу я. Он принимается расхаживать по палате; высокая фигура заполняет почти все пространство. – Роб, я ничего не понимаю. Ты меня пугаешь! Что я пропустила?!

Роб не отвечает; нависая над врачом, он на повышенных тонах требует точного прогноза, что я смогу вспомнить, а что нет.

– Как я уже пытался объяснить вашей жене вчера, события, непосредственно предшествующие падению, могут не восстановиться. Не исключено, что мозг не успел их обработать перед травмой. Все остальное, скорее всего, со временем вспомнится. Существует специальная терапия, группы поддержки. Кроме того, Джо останется и под моим наблюдением. Ей желательно прийти на прием через несколько дней. По крайней мере, радует, что рентген и томография показали отсутствие необратимых повреждений.

– И это все, что вы можете предложить?! – взрывается Роб. – Забрать ее домой и надеяться на лучшее? Разве я за это плачу чертову кучу денег?!

– Пожалуйста, успокойтесь, мистер Хардинг.

– Роб, прошу тебя, объясни, что происходит, – говорю я.

Роб снова садится рядом со мной и аккуратно кладет руки на кровать, не касаясь меня, как будто опасается что-то сломать. Все образуется, уверяет он.

– Помочь жене – в ваших силах, мистер Хардинг, – говорит врач. – Вы можете стать ей опорой в это трудное время, главное – набраться терпения. Вам тоже, Джо. – Он поворачивается ко мне. – Разумеется, если потребуется помощь, мы окажем ее в полном объеме. А сейчас вам лучше всего отдохнуть дома, в привычной обстановке.

– Вы по-прежнему считаете, что потеря памяти временная? – спрашивает Роб.

Рыдания душат меня и не дают сказать ни слова. Что за бред? Слова врача звучат нереалистично, как будто они с Робом обсуждают кого-то постороннего. На восстановление нужно время, объясняет он, и когда я начну вспоминать, детали будут складываться, как кусочки пазла. Уходя, врач напоминает, чтобы я попросила у медсестры листовки с телефонами групп поддержки и другими полезными контактами.

– Если вам что-нибудь понадобится, обратитесь к моему секретарю.

Дождавшись, когда дверь захлопнется, Роб дает волю возмущению.

– И это все? У тебя черепно-мозговая травма, а они советуют нам справляться своими силами?

– Не кричи, пожалуйста. – Я утираю слезы ладонью. – У меня голова трещит.

Мне хочется одного: чтобы все вернулось на свои места. Чтобы вчерашний день стал вчерашним днем, а Роб – мужем, которого я помню. Но почему-то мне не по себе в его присутствии. Я нащупываю на голове большую мягкую шишку и отдергиваю руку: пока еще больно.

Роб отворачивается и подходит к окну, откуда открывается довольно унылый вид на больничную стоянку. Как я могла забыть целый год? Что произошло за это время? В панике я начинаю всхлипывать. Роб тут же бросается утешать: нет-нет, у детей все хорошо, у нас тоже, и я не пропустила ничего важного, просто нужно отдохнуть и прийти в себя. Он будет ухаживать за мной. Мы вместе – он и я. Честное слово, все образуется.

Тишина медленно поглощает минуты. Я пытаюсь восстановить цепочку событий. Вроде бы меня привезли в эту палату рано утром. Правда, время стало словно резиновым, и, казалось, ночь никогда не закончится. Меня посадили в коляску, и молодой ассистент шутил, что сейчас доставит меня в «Ритц». «Мы так прозвали крыло с частными палатами». Почему-то мне стало неловко за свой достаток. И только сейчас, когда в памяти всплывают обрывки наших с Робом разговоров – вероятно, как раз из того «потерянного» года, – я начинаю понимать первопричину этой неловкости. Но вчера я быстро потеряла нить: все перекрыло безумное желание спать. Аналогичное чувство ассоциируется у меня с отпуском, который мы собирались провести вдвоем – подобное смущение я испытывала и тогда. Вновь звучат слова Роба: «Им нужны наши деньги. Без нас их экономика развалится». Я поднимаю глаза: он по-прежнему стоит у окна. Плечи приподняты, руки в карманах брюк.

– Мы собирались в отпуск вдвоем, – торжествующе говорю я, в надежде, что еще немного, и воспоминания хлынут лавиной, заполняя белые пятна.

Роб с интересом оборачивается.

– Ты что-то вспомнила?

– По-моему, да. Мы действительно куда-то ездили?

– На Карибы, в октябре.

– Что я еще пропустила?

– Особо ничего. Когда приедем домой, я все расскажу, но, честное слово, тебе не о чем волноваться. Постарайся отдохнуть.

Я кладу голову на подушку и закрываю глаза, не в силах спорить от боли и усталости.

– Ты спала почти час, – сообщает сидящий рядом Роб, когда я открываю глаза. От него пахнет одеколоном и стиральным порошком. – Как самочувствие?

– Все хорошо. – Я смотрю на дверь. – Как ты думаешь, долго еще? Может, мне пора одеваться?

– Поверь, я хочу, чтобы ты поехала домой. – Роб наклоняется ближе, улыбается и шумно вздыхает мне в щеку. Интересно, он сидел и таращился на меня все время, пока я спала? – Но потеря памяти... Джо, совершенно непонятно, что происходит. Может, тебе следует остаться на ночь или две...

В палату вбегает медсестра, оттарабанивает инструкцию, как принимать таблетки, вручает пачку листовок и на прощание велит мне готовиться к выписке. Роб открывает принесенную с собой сумку и помогает мне сесть, а затем и встать с кровати. Из-за головокружения я двигаюсь очень медленно. К тому же мне почему-то неуютно касаться Роба. Он снова улыбается, помогая мне надеть выбранную им одежду. Я с трудом втискиваюсь в узкие джинсы, преодолевая пульсирующую боль в висках, ворчу на Роба за неудачный выбор. К моему удивлению, он соглашается и даже просит прощения. Я устала от навязчивой заботы и бесконечных вопросов и не стесняюсь об этом заявить, снова ожидая отпора: обычно я не позволяю себе резкостей в его адрес. Он и сейчас сдерживается, укладывает в сумку не нужную теперь пижаму и открывает дверь медсестре. Рядом с ней стоит ассистент с коляской.

– Готовы прокатиться? – спрашивает молодой человек. Не помню, тот же, что и вчера, или другой. В любом случае его шуточный настрой как нельзя более кстати.

– Я вполне могу обойтись без коляски, – заявляю я, хотя ноги подкашиваются от слабости.

– Правила больницы, – сообщает медсестра, помогая мне усесться. – Я провожу вас до дверей, а вы, мистер Хардинг, подгоните машину. Только не едьте по маршруту «Скорых», хорошо?

Мы ждем у раздвижных дверей в вестибюле больницы. «Скорые» приезжают и уезжают, постоянно прибывают новые пациенты – кто на носилках, кто на своих ногах. У некоторых серьезные травмы; последний вообще не шевелится. Неужели умер, а в этой суете никто не обратил внимания?.. Его быстро увозят на каталке. Тем временем медсестра щебечет, какой у меня заботливый и красивый муж.

– Давно вы женаты? – интересуется она.

– Двадцать три года. – Я тут же спохватываюсь, что на год ошиблась, но вслух ничего не говорю. Какая, собственно, разница?

Подъезжает Роб. Я медлю, окончательно осознавая, что не хочу ехать домой. Заметив мою внезапную бледность, медсестра встревоженно спрашивает, все ли в порядке. Роб усаживает меня в машину и пристегивает ремень.

Медсестра машет рукой на прощание и, тряхнув светлыми кудрями, направляется к двери. Мне хочется окликнуть ее и упросить остаться со мной. Я опираюсь здоровой рукой на окно и даю волю слезам. Роб пытается меня обнять, но я отворачиваюсь.

Сентябрь прошлого года

– Он это не всерьез, – говорит Роб. – Заедет раньше, я уверен.

– Да, разумеется, не всерьез. – Я прибавляю скорость, стараясь немного обогнать Роба. Правда, шансов у меня все равно нет – на каждые мои два шага у него приходится один.

«Увидимся на Рождество». Думаю, Фин старался подбодрить меня на прощание, но от этих слов у меня до сих пор ком в горле. Мы возвращаемся к машине, которую пришлось оставить на другом конце студгородка. Узнав, сколько оттуда тащиться пешком, Роб, который уже и так был на взводе, вскипел и принялся спорить с парковщиком, демонстрируя забитый до отказа багажник. Только когда Фин тихо попросил: «Папа, не надо», он беспрекословно заехал на тесную стоянку.

– Джо, ты чего? Не плачь! – Роб нагоняет меня и хватает за руку. – Я думал, хоть сегодня ты так не расстроишься. Все-таки уже не в первый раз!

Он прав, не в первый раз, но когда представляешь возвращение в пустой дом, прощаться куда тяжелее. Роб улыбается и сжимает мою руку. У него все так просто: эмоции подчиняются рассудку и логике. Мне хочется отползти в уголок и зализывать раны, а не слушать аргументацию.

– У тебя по-прежнему есть я. – Смеясь, Роб стискивает мои ладони. Я сквозь слезы улыбаюсь в ответ. – Подумай, Джо! Мы теперь наедине друг с другом! Это же здорово!

Я опускаю солнцезащитные очки со лба на глаза. Мы идем дальше, мимо бесконечных бетонных блоков шестидесятих годов, как две капли воды похожих на тот, где мы оставили Фина: прямоугольные коробки с квадратными окнами, сквозь которые можно мельком заглянуть в студенческую жизнь. Пустые пивные бутылки и коробки от пиццы, горы учебников, плакаты фильмов и групп, о которых я в жизни не слышала. Отпустив руки, мы протискиваемся вдоль стены на стоянке, где другие семьи выгружают из багажников бесконечные чемоданы. Все та же сцена: вчерашние школьники расстаются с родителями, готовясь проститься с детством. Я улыбаюсь женщине, которая, как и я недавно, проигрывает борьбу с подступающими слезами и судорожно прижимает к себе очередную коробку. Она понимающе кивает в ответ.

Дорога домой кажется бесконечной. Каждая миля увеличивает пропасть между мной и Фином. Он ведь еще совсем ребенок. Я видела это по его глазам, когда мы уходили, по его нарочито небрежной прощальной фразе, по тому, как он разрешил мне себя обнять и как робко пожал руку отцу. Я в очередной раз проверяю телефон, сдерживаюсь, чтобы не отправить Фину следующее сообщение. На первое он не ответил.

– Ты как? – Роб хлопает меня по колену, переключая передачу.

Я смотрю в окно на грузовик, который мы обгоняем, затем на бесконечную зеленую лужайку вдоль дороги.

– Все хорошо, – отвечаю я. – Просто устала.

– Поспи, если хочешь. – Роб делает радио тише.

– Как по-твоему, он справится? – Я смотрю на резкий профиль Роба в ранних сумерках. – После всего, что было в школе. Он толком так и не освоился...

– Это было сто лет назад. – Роб снова хлопает меня по колену. – Как раз пройдет неплохую закалку. Уверен, ему понравится.

Я закрываю глаза. Несмотря на усталость, мозг работает с необыкновенной четкостью. Перед глазами стоит Фин в своей студенческой комнате. Условия там довольно спартанские, хотя мы вместе обклеили ему стену плакатами любимых групп, а постельное белье я специально выбрала яркой расцветки.

– Ты уверен, что справишься? – спросила я, обнимая Фина на прощание. Он давно меня перерос.

– Да, мама, уверен. Не волнуйся за меня. – Резко мотнув головой, отбросил назад челку. Не демонстративно – это не в духе Фина, – а скорее нервно. Он всегда так делает, когда сильно переживает. Мы попрощались, и, уходя, я обернулась в последний раз. Фин стоял в дверях, такой одинокий и несчастный. Вся напускная бодрость мигом испарилась, стоило нам шагнуть за порог.

– Спишь? – спрашивает Роб.

Я качаю головой и зажмуриваюсь сильнее, проваливаясь в дремоту под жужжание мотора.

Дом как будто увеличился в размерах и наполнился звенящей тишиной. Пока Роб переносит из машины пустые коробки и чемоданы, я иду вверх переодеться и замираю перед дверью в комнату Фина. Идеальный порядок производит гнетущее впечатление. «Он не умер, – заявила Саша, когда я позвонила ей из машины, – просто уехал учиться». Я вынимаю одеяло из пододеяльника, снимаю простыни и наволочки, но не отношу в корзину для белья, а сажусь на пустую кровать и, зарывшись лицом в скомканную постель, вдыхаю родной запах.

В комнату заходит Роб с пустым чемоданом к в руках. Еще несколько часов назад он был набит выглаженными рубашками и джинсами.

– Фин не умер, Джо.

– Ты прямо как Саша. – Я выпрямляюсь на кровати. – Яблоко от яблони...

Роб кладет мне руку на плечо, упираясь пальцами в ключицу. Я встаю и приникаю к нему; он обвивает меня длинными руками и кладет голову мне на макушку.

– Ладно тебе, – говорит он. – Мы оба устали.

Мы занимаемся любовью. За окном постепенно сгущаются сумерки. Потом Роб сразу перекачивается на свою сторону кровати. Я знаю, что он сейчас уснет, и пихаю его в спину. Подскочив, он оборачивается. Его лицо не различить: свет в спальне выключен, только цифры на электронном будильнике светятся зеленым. Уже почти полночь.

– Что?

– Помнишь нашу глупую словесную игру? Мы играли в нее еще до рождения детей.

– Какую? – сонным голосом спрашивает он.

– Какие сверхъестественные способности ты бы выбрал? Или если бы ты собирался меня убить, то как бы это сделал?

– А ты сама уже решила?

Через уголки закрытых жалюзи сочится лунный свет, и видно, как Роб щурит глаза, улыбаясь.

Я говорю, что хотела бы путешествовать во времени, а он отвечает, что не знает, какие способности выбрал бы. Игра его явно забавляет.

– А ты уже решила, как от меня избавишься? – с любопытством в голосе спрашивает он.

– Зарежу. – Я кладу руку на его обнаженную грудь. – Кухонным ножом.

– Неплохо, неплохо. – Он, смеясь, перехватывает мою ладонь. – Надеюсь, смерть будет мгновенной. К тому же в кухне у нас целая подставка с ножами – всегда под рукой.

– А как бы ты меня убил? – Я приподнимаюсь на локте в ожидании ответа.

Помедлив, Роб говорит:

– Думаю, я бы задушил тебя голыми руками.

Он хватает меня и притягивает к себе, и мы оба смеемся.

Глава 3

Один день после падения

Первое, что бросается в глаза, стоит мне переступить порог дома – округлая вмятина у подножья лестницы. В штукатурке справа от ступени, которая приняла на себя удар, виднеется отпечаток черепа. Проследив мой взгляд, Роб тянется меня обнять, но я уклоняюсь, инстинктивно прикрывая руками шишку на голове. Я рассматриваю лестницу, представляя падение. Должно быть, я пролетела восемь-девять ступеней, когда оступилась. Если я в самом деле оступилась. Я замираю, пораженная догадкой, и бросаю взгляд на Роба, ковыряющего штукатурку носком ботинка.

– Придется перекрашивать лестницу. И штукатурку...

Я прошу его не спешить; суета и шум мне сейчас совсем некстати.

– Конечно, это подождет. – Он снимает с моих плеч свой пиджак, который набросил, когда я выбиралась из машины, вешает его на перила и говорит, чтобы я шла вверх, а он поставит чайник.

Я медленно поднимаюсь по ступенькам, разглядывая фотографии на стене – из школы и из нашего отпуска на двоих. Боюсь встретить незнакомый кадр и с облегчением ни одного не нахожу. Саша всегда была натуральной блондинкой; ее пышные волосы контрастируют с оливковой кожей. Она легко загорает, как и отец. Он тоже блондин, только уже поседевший. Зато у Саши мои волосы – такие же блестящие и гладкие. Фин – вылитый дедушка, в честь которого его назвали и которого он толком не помнит: черные волосы и тонкие черты лица. Тут мои виски простреливает резкая боль; я хватаюсь пострадавшей рукой за голову и бессильно опускаюсь на ступеньку, закрыв глаза. Приступ оживляет картину из прошлого, немного размытую, но явственную, и, борясь с мучительной пульсацией, я вглядываюсь внимательнее. Я вижу двоих – Роба и себя. Мы стоим наверху лестницы и ожесточенно спорим, но, кроме того, Роб держит меня за руки. Я открываю глаза. Он бежит ко мне по лестнице.

– Джо, что с тобой?!

Боль нарастает, как будто черепную коробку проткнули кинжалом. Хочу спросить, что произошло до падения, однако в последний момент сдерживаюсь. Роб стоит двумя ступенями ниже и встревоженно смотрит на меня.

– Давай помогу. – Он протягивает ладонь.

– Я сама. – Я встаю и поднимаюсь по ступеням, затем прохожу мимо трех пустых комнат в нашу спальню.

Кровать не застелена, на полу ванной валяется влажное полотенце. Роб с извинениями бросается его поднять, затем, откинув одеяло, расправляет простыни и жестом приглашает меня лечь. Пока я забираюсь в постель, он поддерживает ладонью мой затылок, мягко подталкивая голову к подушкам.

– Как ощущения?

Он нависает надо мной, закрывая собой всю комнату.

– Лучше. – Я приподнимаюсь и сажусь, опираясь спиной на подушки.

– Ну и отлично. – Он приносит больничную сумку и ставит рядом со мной. – Пойду сделаю чаю.

Слышно, как он спускается по лестнице и идет на кухню. Я роюсь в сумке в поисках обезболивающих и кричу Робу вслед, чтобы принес еще стакан воды. Рецепт куда-то запропастился. Обнаружив в боковом кармане только паспорт, швыряю его на кровать, но он соскальзывает и летит на пол. Встаю и ковыляю в ванную. Умываюсь, стоя перед зеркалом, изучаю синяки на лице, затем снимаю одежду и разглядываю травмы на теле. Правая рука в компрессионной повязке, запястье распухло, а из-под бинтов расплывается пугающее темно-красное пятно. А еще я замечаю нечто, чего не увидела в больнице. Кожа на внутренней стороне запястья испещрена мелкими порезами полукруглой формы – уже заживающими, и на вид более давними, чем остальные синяки. Я снова перевожу взгляд на лицо в зеркале, провожу пальцами по оплывшему овалу, рассматриваю синяки под глазами, особенно под левым. Я придирчиво изучаю свое обнаженное тело – кажется, лишний год на нем никак особенно не отразился, если не считать разноцветных синяков на бедрах и коленях. Разве что я чуть похудела.

Роб стучит в дверь.

– Как ты там? Я принес чай.

Я снимаю с крючка халат и открываю замок.

– Оцениваю масштаб повреждений. – Он старательно смотрит в сторону, пока я набрасываю халат. – Однако мне досталось.

Я возвращаюсь в постель. Чай стоит на тумбочке, рядом флакон с таблетками: по словам Роба, мы оставили его в машине.

– Ты забыл воду. И мою сумочку. – Я пытаюсь устроиться так, чтобы не болела правая рука.

Роб поднимает с пола мой паспорт.

– Откуда он тут?

Пожав плечами, я отвечаю, что паспорт был в больничной сумке, которую он сейчас разбирает. На его лице отражается сомнение, как будто что-то не сходится.

– А, наверное, ты брала его с собой в октябре.

Он спрашивает, много ли я помню о поездке. Интересно, сколько раз он еще будет допытываться, помню ли я то и это, и сколько раз мне придется отвечать «нет, не помню».

Я прошу принести мою сумочку, надеюсь найти там телефон. Роб бежит вниз и возвращается, перепрыгивая через ступеньку. Сумку, которую он принес, я не узнаю – она новая, из мягкой кожи, с лейблом моего любимого дизайнера. По словам Роба, подарок на последний день рождения. Я шарю внутри левой рукой, затем, потеряв терпение, вываливаю содержимое на постель. Телефона нет. Роб спрашивает, что я ищу. Телефон? Детям писать необязательно, он уже с ними поговорил, и они зайдут позже.

– Фин едет из университета? – спрашиваю я.

– Я же сказал, он скоро тебя проведает. – Роб отворачивается. – Постарайся отдохнуть. Не надо...

– Не в этом дело! – кричу я, прижимая висок, как будто пытаюсь унять пульсацию внутри. Роб теряется от моего напора, но молчит.

– Роб, мне нужен мой телефон! – Я плачу – не от огорчения, а от злости.

Сев на кровать, Роб просит меня успокоиться и начинает складывать содержимое обратно в сумочку. Как он смеет игнорировать мои вопросы, когда я так слаба и уязвима?

– Где мой телефон?!

Он вздыхает.

– Джо, я тебе уже говорил.

– Что говорил?

– О боже! Ты выронила телефон из кармана, когда падала, и он разбился о ступени. Я сегодня же закажу тебе новый.

Память подводит: я совершенно не помню этого разговора. Еще и голова раскалывается. Неожиданно агрессивно – и для себя, и для Роба – я требую точно сказать мне, где телефон. И эсэмэски детям тут ни при чем. Телефон – это шанс нащупать связь с прежней жизнью, с прежней собой.

– Если сегодня заказать, завтра уже привезут. Ну максимум в понедельник. – Он морщит лоб, складывая мою чистую пижаму в комод. – Ты, наверное, хочешь ту же модель?

– Да я не про новый! – кричу я. Каждый произнесенный слог отзывается новой волной боли. – Где тот, что разбился?

Роб делает глубокий вдох, как будто готовится разговаривать с неразумным ребенком, и отвечает, что телефон в мусорном ведре, которое он сегодня вынес. Пока мы были в больнице, мусор вывезли. Роб снова садится на кровать и пытается уложить меня на подушки, но я сопротивляюсь. Если он вынул сим-карту, я могу вставить ее в старый аппарат, настаиваю я.

Нет, не вынул – ему было не до того.

– Зато ты нашел время вынести мусорное ведро! – не сдаюсь я.

– Я наводил порядок. Что с тобой, Джо? Ты не в себе. Хочешь, я поговорю с врачом?

– Я хочу свой телефон! – Я откидываюсь на подушки. – Почему ты его спрятал?

Роб вздыхает и выходит из спальни. Вскоре снизу доносится мелодия включаемого ноутбука, затем тихое бульканье загружаемых писем и стук

пальцев по клавишам. Знакомые звуки действуют умиротворяюще, как будто жизнь течет своим чередом: Роб работает за кухонным островком, я хлопочу по дому, Фин сидит за компьютером или играет на гитаре. Вот уже год, как он уехал учиться в университете и наверняка адаптировался к новой жизни. Но сейчас меня волнует не отсутствие Фина. Я не мыслю себя без телефона. Он всегда был при мне, служил пуповиной, связывающей меня с детьми, окном во внешний мир, в жизнь за пределами каменных стен бывшего амбара, открытого всем стихиям на вершине холма, где до ближайших соседей несколько миль.

Я успокаиваю себя мыслью, что скоро сяду за ноутбук и проверю почту. Может, тогда удастся что-нибудь вспомнить. Усталость берет верх; я закрываю глаза и проваливаюсь в сон, приносящий новые образы из прошлого, обрывочные и бесформенные. Картины мелькают, сменяя друг друга – то четкие, то не очень. Я нервно ворочаюсь, сбрасываю одеяло; меня бросает то в жар, то в холодный пот.

Его лицо скрыто в темноте. Я пытаюсь его коснуться, но он кажется таким далеким и недоступным. Меня тянет к нему, как магнитом, однако перед глазами встает лицо Роба и я отчаянно кричу: «Отпусти!»

Когда я просыпаюсь, солнце уже зашло. Одеяло аккуратно подоткнуто – наверняка Роб позаботился. За окном непроглядная тьма. Мне вспоминается наш первый вечер в этом доме. Фин потребовал ночник, а Саша сделала вид, что задремала за книгой, чтобы не выключать лампу на тумбочке. Когда дети наконец уснули, мы с Робом взяли по бокалу вина и вышли во двор. Перед нами немой громадиной возвышался дом; на чернильно-черном небе сверкали звезды. «Фантастическая картина, – сказал Роб. – Первозданная чистота. И только мы с ней наедине!» Я не сразу согласилась с его идеей поселиться на отшибе, да и дети тоже. Фина в конце концов удалось подкупить обещанием телескопа, а Саша так толком и не освоилась в бывшем амбаре.

Я подхожу к окну и смотрю на темные холмы в отдалении, затем на посыпанную гравием подъездную аллею и уходящую дальше дорогу. На изгороди виднеется отблеск фар. Вскоре появляется и сама машина – я сразу узнаю ее по округлому силуэту. Резко повернув направо, она подъезжает к дому и останавливается рядом с моей «Мини». Дверь с пассажирской стороны распахивается, и окрестности оглашает громкая музыка. Выходит Фин, с другой стороны выскакивает Саша, хлопнув водительской дверью. Дети смотрят в мою сторону. Я машу рукой, но они не видят меня в темном окне спальни и идут к дому.

Я набрасываю поверх халата кардиган – в тонком шелке без одеяла довольно зябко, и начинаю осторожно спускаться по ступенькам, держась за перила левой рукой. Из кухни доносятся голоса: сначала Фина, потом Роба и Саши. Как только я появляюсь на пороге, Роб шикает на детей, и все немедленно умолкают.

– Обо мне говорите? – спрашиваю я.

– Само собой, – отвечает Роб. – Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит, но в целом чуть лучше.

– Ну, ты нас и напугала! – Саша бросается ко мне с объятиями. Я потрясенно застываю, не в состоянии узнать собственную дочь. Ультракороткая стрижка вместо роскошной гривы, яркий макияж, бесформенная неженственная одежда. Все ли со мной в порядке, интересуется она. Не говоря ни слова, я обнимаю ее как можно ласковее. – Я чуть с ума не сошла, когда папа позвонил и сказал, что ты упала. – Отойдя назад, она окидывает меня внимательным взглядом. – Ну и вид! Прямо жертва домашнего насилия!

– А ты очень изменилась, – отвечаю я. – Мне придется привыкать к твоему новому образу.

– Тебе много к чему придется привыкать. – Саша косится на отца.

– Ты рассказал им о потере памяти? – спрашиваю я Роба.

Тот кивает.

Я до последнего пыталась держать себя в руках ради детей, но слезы предательски прорываются наружу. Саша бросается искать платок, Фин жметесь к кухонной двери, как будто стыдится своего присутствия. Роб заботливо приобнимает меня. Я подавляю порыв сбросить его руку – не хочется сцен при детях – и уговариваю себя, что это просто защитная реакция тела – отгородиться от всех, чтобы избежать новой боли. Правда, мне самой трудно поверить в эту версию. Скорее...

– Джо! – Я вздрагиваю от резкого окрика Роба. – Я говорю, давай перейдем в гостиную!

Он ведет меня по коридору и усаживает на диван. Саша садится рядом и гладит меня по руке. Ее пальцы увешаны массивными кольцами с черепами и змеями. Толстые ободки врезаются в нежную кожу, и мне страшно стискивать ее кисть. Я смотрю ей в лицо, пытаюсь разглядеть знакомое выражение глаз под толстым слоем теней.

– Хорошо выглядишь, – говорю я. – Давно постриглась?

– Несколько месяцев назад. – Она проводит рукой по обнаженной шее и, наклонив голову, тербит толстую прядь. – По-моему, тебе и тогда не понравилось. Так странно, что у тебя эта амнезия... Ты в самом деле ничего не вспомнила с тех пор, как Фин уехал учиться? – Она косится на Роба и Фина. – Мой день рождения или ваш отпуск? Рождество?

Роб хмурится, и она умолкает.

– А уж мне как странно, – отвечаю я. – Как будто я проспала весь этот год.

Роб и Фин сидят на другом диване, вытянув длинные ноги и не глядя друг на друга.

– А как прошло Рождество? – спрашиваю я у сына.

– Ты поставила три елки, – улыбается он.

– О, это на меня похоже, – улыбаюсь я в ответ. – Честное слово, я рада вас всех видеть, но не стоило бросать ради этого все дела. Я в полном порядке.

Фин снова улыбается. Он особо не изменился, разве что немного похудел. Прошедший год явно дался ему непросто: узкие плечи поникли, глаза бегают, словно ему одинаково невыносимо встречаться со мной взглядом и отворачиваться.

– Мне хотелось тебя увидеть. Наверное, тяжело, когда теряешь память.

– Кое-что всплывает. Совсем обрывочно, на уровне ощущений.

– Каких ощущений? – Роб с интересом наклоняется вперед.

– Что многое изменилось за это время. И что я пропустила нечто важное. Думаю, так оно и есть. – Я пристально смотрю на Роба, пока он не отводит взгляд, затем улыбаюсь Фину. – Не волнуйся за меня, я уверена, что все восстановится. Можешь возвращаться в университет. К твоему следующему приезду я буду как огурец.

Роб встает с дивана.

– Саша, ты, кажется, принесла что-то на ужин?

– Да уж, и правда многое изменилось! – восклицаю я как можно более жизнерадостным тоном.

Саша выкладывает содержимое сумки-холодильника на кухонный островок. Несмотря на возражения Роба, я отстояла себе право сидеть на высоком барном стуле и наблюдать за дочерью.

– А ты, оказывается, умеешь готовить, – говорю я. – И купила сумку-холодильник!.. Совсем взрослая.

Саша улыбается.

– Не все же тебе с нами носиться.

Фин и Роб наверху – Саша отправила их прибраться. Похоже, она взяла на себя руководящую роль и то и дело отдает команды.

– И стирку захватите! – кричит она и возвращается на кухню, подтягивая рукава бесформенного джемпера, как будто с чужого плеча – причем мужского. Я продолжаю ее рассматривать в надежде скорее привыкнуть к новому образу, однако в глубине души тоскую по прежней Саше, мягкой и женственной. Она

ловко орудует ножом, нарезаая лук; тушь темными дорожками течет по щекам.

– Что ты готовишь? – спрашиваю я.

– Пасту с грибами и перцем. – Саша утирает глаза тыльной стороной ладони, и на ней тоже остается темное пятно.

– М-м, звучит аппетитно, дорогая. Тебе помочь?

Саша упреждающе поднимает руки:

– Сиди! Пока не выздоровеешь, я не позволю тебе ничего делать! Когда папа выйдет на работу, за тобой будет присматривать Фин – пока не найдет себе толковое занятие.

– Ты о чем? – Я выпрямляюсь на стуле, опираясь на здоровую руку. – Фину же надо возвращаться в университет!

Фин как раз появляется в дверях и спрашивает у Саши, куда положить грязное постельное белье, которое он притащил сверху. Рядом идет Роб.

– Почему ты не в университете? – спрашиваю я.

Саша умоляюще смотрит на Роба.

– Пап, я ничего не рассказывала. Честное слово!

– Боже мой, Саша! – кричит тот. – Каких-то десять минут наедине с матерью, и...

– Успокойся, Роб! – хмурюсь я. – Не драматизируй, пожалуйста. Саша ничего не говорила, я сама догадалась.

Я ободряюще улыбаюсь ей, но она пристально смотрит на отца, как будто ведет с ним немой спор.

– Я же говорила, что ничего не рассказывала!

– А кто тогда? Кроме тебя никого не было! – парирует Роб.

Я решаю не вмешиваться в выяснение отношений.

– Фин, почему ты не в университете?

Он косится на отца, безвольно опускает руки и роняет белье на пол.

– Мам, это не для меня. – Фин отбрасывает челку со лба и переводит взгляд на комок грязного постельного белья.

– Ты бросил учебу?

– Прости, пожалуйста.

Конечно же, я отвечаю, что незачем извиняться, и все же мне трудно скрыть потрясение. Может, я чего-то не знаю, и у Фина другие планы? Почему мне никто не сказал? Я требую ответа у Роба, но он что-то невнятно бормочет про нежелание меня волновать и бросается собирать с пола белье.

– Вот теперь я точно волнуюсь! – Я встаю со стула. Фин все так же стоит, опустив голову. – И где же ты ночевал вчера?

Он беспомощно смотрит на отца, потом на меня.

– У друга.

Какого друга, спрашиваю я. У Райана, говорит Фин, и нет, мы не знакомы.

– А сегодня ты дома? – Меня начинает греть мысль, что сын будет спать в соседней комнате.

– Мам, я тут больше не живу. – Фин снова бросает взгляд на Роба.

Голова как будто наливается свинцом. Я не в силах осмыслить, что сын бросил университет и к тому же съехал из дома. Видимо, поэтому Роб и считал, что я не готова узнать правду. И все-таки я хочу знать все. В ответ на мои расспросы Фин только пожимает плечами.

– Спроси папу, – отвечает за него Саша. – Это он дергает за веревочки и решает, что можно говорить, а что нельзя.

Я поворачиваюсь к Робу:

– Вы еще что-то скрываете?

– Ничего! Я уже сказал, что не хочу тебя волновать. – Он улыбается, относит белье в кладовку и, обняв меня, ведет к обеденному столу. В присутствии детей я не сопротивляюсь. – Попробуй расслабиться. У нас все хорошо. Мы вместе. Согласна?

Нет, не согласна. Я не понимаю, что происходит; все эти секреты и перемигивания действуют на нервы.

Мы едим практически в тишине: любая тема может оказаться рискованной. Я задаю вопросы, но все ответы тщательно фильтруются; дети поглядывают на отца: одобрит ли он, если они расскажут ту или иную подробность. Кое-что удастся выяснить. Саша выехала из облезлой каморки, которую снимала после окончания университета. По ее словам, нынешнее жилье куда приличнее, что не может меня не радовать. Она встречается с парнем по имени Томас, при упоминании которого за столом повисает тягостная тишина. Фин говорит, что счастлив; он живет с другом и стал гитаристом в какой-то группе.

Дети уходят, чтобы дать мне отдохнуть. Точнее, Роб выталкивает их за дверь, садится рядом со мной на диван, вытянув руку вдоль спинки и почти касаясь моего плеча. Я задаю вопрос, который держала в себе весь вечер:

– Роб, что ты от меня скрываешь?

Он запрокидывает голову и делает громкий вдох, глядя в потолок.

– Ничего, Джо.

– Давай сначала о детях. Расскажи мне все. – Я складываю руки на груди и отказываюсь слушать его оправдания. Наконец он начинает излагать свою отредактированную версию прошлого.

Фин проучился до конца семестра. Мы с Робом съездили в отпуск, сделали небольшой ремонт, хорошо отметили мой день рождения, а вскоре наступило Рождество. Я спрашиваю, как выглядел Фин, когда приезжал на Рождество, пытаюсь понять, как мы могли целый семестр ничего не заподозрить. Мы все время были чем-то заняты – то отпуском, то ремонтом, то моим днем рождения. О чем я тогда думала? Фин всегда был одиночкой; в школе его травили, и дом оставался единственной отдушиной.

– Он... Он был притихшим, для Фина это нормально. – Роб чешет щеку, затем опирается подбородком на руку, вонзая ногти в квадратную челюсть. – Он сказал нам на Новый год. Мы как раз думали паковать его чемоданы, как вдруг он заявил, что решил не возвращаться в университет – мол, оно того не стоит.

– И больше ничего не рассказал? – Я выпрямляюсь, пытаюсь справиться с сонливостью. – Что-то не сложилось с друзьями? Или с учебой?

Нет, он просто заладил, что университет не для него, говорит Роб. Странно было бросать учебу и при этом не иметь ни работы, ни других планов, но Фин намертво стоял на своем. Роб говорит, мы оба испробовали все методы, и я склонна ему поверить – я точно знаю, что не сдалась бы без боя.

– Ты правда не помнишь? – Роб пристально смотрит на меня, как будто пытается уличить в обмане.

– Да, правда не помню!

– И незачем повышать голос. – Он приносит нам выпить – мне воды, а себе очередной бокал вина. – Я просто рассказал тебе о прошлом, не нужно меня во всем винить.

Роб уходит в кухню. Вскоре оттуда доносится грохот тарелок – видимо, загружает посудомоечную машину. Вернувшись, ласково берет мое лицо в ладони и просит прощения. Я не отталкиваю его руки – хочу, чтобы он продолжил рассказывать. Он гладит мне щеку большим пальцем – я невольно поджимаю пальцы ног, чтобы не выдать отвращения, – и заводит старую песню о том, что позаботится обо мне и что мне не нужно ни о чем беспокоиться. Несмотря на зверскую усталость, я не позволяю себя убаюкать и спрашиваю, как мы могли пропустить, что Фину плохо.

– У тебя были подозрения. Ты заметила, что со дня отъезда в университет он почти не выходил на связь. Я успокаивал себя тем, что ему нужно время освоиться. На самом деле он так и не смог привыкнуть к студенческой жизни.

– Бедный Фин, – говорю я скорее себе, чем Робу. Так и вижу, как он отметал все мои опасения, велел не суетиться и дать Фину время. Но я оказалась права. Сын был несчастен. Проглотив раздражение, я спрашиваю: – А почему он решил уехать из дома? Ему ведь было бы лучше жить с нами?

Кашлянув, Роб сообщает, что его не было дома на следующее утро, когда Фин собрал вещи.

– На следующее утро?! Я думала, он съехал совсем недавно.

Роб потирает локоть.

– Я перегнул палку, Джо. На него никакие уговоры не действовали. Невыносимо было наблюдать, как он ломает себе жизнь.

– Ты что, ударил его?

– Как ты могла такое подумать? – возмущенно восклицает Роб. – Тыечно подозреваешь меня во всех грехах!

– Извини, я...

– Джо, ты забыла всего один год, а ведешь себя так, как будто мы вообще не знакомы. Ты правда думала, что я мог ударить нашего сына?

– Ну конечно, нет, – отвечаю я. И это правда: Роб никогда бы не ударил детей, он их буквально боготворил. Поэтому и был так разочарован. Может, я этого и не помню, но могу представить, в какой патовой ситуации мы оказались, когда наш одаренный сын перечеркнул все свои достижения.

– А что произошло? – спрашиваю я. Роб не отвечает, отвернувшись, и я добавляю: – Прости, я не хотела. Расскажи, пожалуйста, что случилось.

– Я прочел Фину лекцию о выборе, о том, как он может повлиять на всю жизнь, сказал, что ему еще рано принимать решения самостоятельно. – Роб вытягивает шею и, полуприкрыв глаза, смотрит в потолок. – Я сожалею, что сорвался, но... если бы я тогда промолчал, то жалел бы, что не попробовал.

– А мы знаем этого Райана, с которым он живет?

Роб качает головой.

– Мы видели его, когда Фин уезжал. Райан заходил за ним. Он немного старше и вроде бы тебе понравился. Фин не распространяется о подробностях.

– А работу он нашел?

– Не постоянную. Иногда где-то подрабатывает. Они с Райаном помогали на каком-то фестивале летом, еще он на неделю ездил в Девон собирать фрукты... Мягко говоря, гордиться нечем.

– Боже мой. – Я отвожу глаза, пытаюсь осмыслить рассказ. Его нереальность немного смягчает удар. – На что он живет? Мы ему помогаем?

Роб отвечает, что посылает Фину деньги на жилье, но при нем это лучше не обсуждать.

Я киваю.

– Он всегда был таким независимым. Ему наверняка тошно принимать подачки.

Роб трет лицо руками.

– Черт знает, что творится. Ты устала?

– Да нет, не очень. Расскажи про Сашу.

Роб вздыхает и снова спрашивает, не переоцениваю ли я свои силы. Я настаиваю, и он садится рядом со мной, закинув ногу на диван.

– Помнишь ее квартиру? Облезлую каморку?

– Увы, да. Она переехала туда еще до... в общем, больше года назад.

– В итоге она прожила там всего пару месяцев...

Это ведь хорошо, замечаю я.

Роб как будто затрудняется с ответом.

– Понимаешь, ее парень... Томас...

Я киваю, вспоминая, как это имя вызвало неловкую паузу за столом.

– Я его знаю?

– Мы виделись пару раз. – Роб вздыхает, словно рассказывает через силу. – Он работает в баре. Собственно, он там менеджер, но только потому, что бар и квартира этажом выше принадлежит его другу. Томас из этих гнилых либералов, которые уверены, что спасут мир от подобных нам только потому, что они вступили в партию лейбористов и стали веганами.

– Тебе он не нравится.

– Тебе тоже, Джо. Это тихий ужас.

– И Саша с ним живет?

– К сожалению, да. – Роб трет глаза.

Я думаю о том, как Саша изменилась. Выстриженные слоями волосы, неженственная одежда, темно-красная помада. Я сказала, что мне нравится ее новый образ, однако покривила душой. Я спрашиваю Роба, где мы виделись с Томасом. Он не помнит; вроде бы в баре.

– Когда она постриглась?

– Не знаю.

– Ты не мог не заметить.

Роб пожимает плечами.

– Мы не виделись какое-то время. То есть вы с ней встречались, а на меня она обиделась. Я говорил ей, что не одобряю ее выбор.

– Томаса?

Он вздыхает.

– Она притащила его сюда, я с ним резко поговорил. Он вел себя как полный идиот. Хотя... Ты винила меня в ссоре, и не зря. Мне не стоило... Джо?

Видимо, выпитые за ужином таблетки перестали действовать. Голова стала невыносимо тяжелой. Я откидываюсь на диван, закрываю глаза и шепчу:

– Все наперекосяк.

– Джо! – Роб гладит мое колено с такой силой, что я открываю глаза. – Извини, что не порадовал. Главное, что мы есть друг у друга. У детей все наладится, и у нас тоже.

– Думаешь?

Роб улыбается.

– Конечно! – Наклонившись, он целует меня в щеку. – Обещаю.

Я отодвигаюсь – боль вытесняет из головы все, даже незаданные вопросы. Они подождут. Сейчас я способна лишь с помощью Роба доползти по лестнице до спальни и забраться в постель, прохладным облаком окутывающую тело.

Роб ложится спать позже. Я снова отодвигаюсь – возможно, берегу больную руку; впрочем, в глубине души мне кажется, что я всеми силами стремлюсь быть от него подальше.

Сентябрь прошлого года

– Как работа? Ты довольна? – спрашиваю я у дочери.

Мы сидим в кафе; столик сервирован для чая, но Саша, как всегда, заказала свой любимый горячий шоколад с маршмеллоу. Она наклоняется за длинной ложкой, отбрасывает падающую на глаза волну волос и смотрит на меня, решительно сжав губы. Демонстрирует независимость. Впервые я увидела это выражение лица, когда Саше был год и она училась ходить. Каждое падение вызывало у дочери истерику, но помощь она решительно отвергала: отталкивала мою руку и начинала заново.

– Более-менее, – сдержанно отвечает она и слизывает с губы сливки. – Работа как работа.

– Не для карьеры? – Я наливаю себе свежесваренный чай. В ситечке остаются крупные тонкие листья.

– Mam, я не знаю. – Саша поднимает брови. – Может, я вообще все брошу и пойду работать в бар. Там больше платят!

Я глажу ее по руке. Кольца у нее на пальцах – по несколько на каждом – поблескивают на свету из небольшого окошка. Кафе темное, маленькое и дорогое. Даже не знаю, почему мы всегда встречаемся тут; до ее работы отсюда

довольно далеко.

– Подожди годик-другой, тогда станет интереснее. Ты сама так говорила. Зато в баре никакой карьеры.

– По-разному бывает. – Саша отпивает шоколад из ложки. – А как папа?

Я отвечаю, что нормально, и невольно задумываюсь, насколько легче Робу было привыкнуть к опустевшему гнезду. Теперь весь образовавшийся вакуум для него заполняет работа. Кроме того, я уделяю ему больше внимания. Он признавался, что как будто переживает второй медовый месяц. Правда, об этом я дочери не сообщаю, представляя ее реакцию.

– А ты? – Саша испытующе смотрит на меня.

– Тоже хорошо. – Я улыбаюсь в ответ. – Без вас с Фином так тихо.

Она спрашивает, как Фин пережил первую неделю – наверняка чувствовал себя не в своей тарелке. Да, отвечаю я, тут они с братом – полная противоположность. Саша обожала учебу, с первых дней с головой погрузилась в студенческую жизнь, обрастая друзьями с легкостью, как значками на рюкзаке. Она до сих пор с ним ходит, хотя я предлагала купить что-нибудь попроще. Наверное, рюкзак напоминает ей про учебу и про друзей. Хорошо бы и Фину уметь с такой же легкостью вписываться в новую компанию.

– Я толком не поняла, нравится ему или нет. Ты же знаешь своего брата – все нужно клещами вытаскивать.

– Безобразие! – Саша со звоном опускает ложку в чашку. – Ведь говорила ему, что ты будешь волноваться. Ну почему он не слушает? – Откидываясь в кресле, она перебрасывает через спинку волосы – шелковистые, длиной почти до талии. – И чем ты теперь занимаешься без постоянной уборки в его комнате?

– В основном валяюсь, крашу ногти и тому подобное. – Я подношу пальцы ко рту и дую на воображаемый лак. – Больше мне нечего делать. Смысла в жизни не осталось...

– Нет, ну ты понимаешь, о чем я! У тебя же теперь больше времени.

Я рассказываю, что мы собираемся сделать из ее комнаты гостевую спальню, а бывшую гостевую отдать Робу под кабинет.

– Тут придется повозиться...

– А если я приеду в гости?

– Ты прекрасно знаешь, что комната все равно твоя. Только ты все равно не приезжаешь.

Саша молча цепляет тающую шапку маршмеллоу ложкой и отправляет в рот. Я предлагаю ей помочь привести ее квартиру в порядок – например, попросить наших маляров посмотреть, что можно изменить, но она отвечает, что нет смысла – она не намерена там задерживаться. У меня появляется краткий проблеск надежды, что она одумалась и вернется к нам. Увы, нет, она ищет другое жилье. Возможно, комнату. Я разочарована; с другой стороны, любая комната лучше ее облезлой каморки, которую Саша гордо именует студией. Я думала, такие квартиры канули в прошлое. Помню, как долго пахла плесенью моя одежда, после того как мы побывали у дочери в гостях. Правда, и навещали мы ее нечасто – пару раз, по случаю. Роб постоянно смотрел на часы, беспокоясь, что его дорогая машина слишком привлекает внимание, а я пыталась выделить хоть что-нибудь в интерьере, восхититься чем-то, но не находила подходящего объекта. Я сообщаю дочери, что буду рада, если она переедет. Если ей нужно, мы готовы одолжить денег, пусть только попросит. Она недовольно кривится, но не отказывается сразу.

Официантка приносит заказ: сэндвич с тунцом и сэндвич с сыром. Мы берем по половине от каждого.

– Ах, да, я же хотела тебе рассказать о волонтерской работе, – вдруг сообщает Саша.

Я внимательно слушаю, хотя идея меня не слишком вдохновляет. К своему стыду, я всегда предпочитала держаться подальше от волонтерства и успокаивать совесть щедрыми пожертвованиями. Однако Саша так увлеченно рассказывает о центре соцпомощи рядом с ее офисом, что я невольно проявляю

интерес.

– У них там банк продовольствия и консультационный центр. Я просто раздавала листовки и мыла посуду, но мне понравилось. – Она бросает на меня взгляд. – И люди интересные.

– И как туда попасть? – спрашиваю я, пытаюсь представить Сашу в нетипичной для нее роли.

– Сначала проверяют твои данные – что ты не псих и не педофил. Дальше просто приходишь туда и спрашиваешь, что можно сделать. – Она откусывает от сэндвича. – Мне немного неловко, что они столько возились с моими данными, а я слиняла.

– А что за люди туда обращаются? – спрашиваю я, отодвигая тарелку.

– Все, кому трудно и кто нуждается в помощи. – Саша подбирает с моей тарелки недоеденные крошки и отправляет в рот.

Я сразу представляю толпы наркоманов и бомжей.

– Не нравится мне это. А кто там во главе? И кто тебя защитит, если что?

– Защитит? Это наше общество!

Я выразительно оглядываюсь. Респектабельные седовласые джентльмены, бизнес-леди с пакетами из дорогих бутиков... Саша вздыхает и соглашается, что да, посетители центра соцпомощи не покупают латте за три фунта, и тем не менее они – часть нашего общества. Я борюсь с искушением заметить, что она сама пьет горячий шоколад за три фунта и, вероятнее всего, за мой счет. Похоже, ее принципы ничем не лучше моих. Когда-то волонтерская работа была ей так же чужда, как и мне. Тем удивительнее слушать ее сейчас.

– Подумай, мама. Помогая другим, можно обрести смысл жизни.

– Значит, после вашего с Фином отъезда моя жизнь потеряла смысл. Я верно тебя поняла?

– Ты сама это сказала.

– Я пошутила!

– Ты прекрасно меня поняла. – Саша кладет крошку мне на тарелку. – Тебе нужно найти новое занятие, иначе ты скатишься в депрессию. Что-то твое, личное.

Я смеюсь и укоряю ее за то, что она считала моей главной целью уборку за ней и ее братом.

– Мне есть чем заниматься. – Я пытаюсь вспомнить что-нибудь, не связанное с домом или ее отцом. – У меня есть смысл жизни.

– Мне пора на работу, – говорит она, подхватывая рюкзак. – Сколько с меня?

– Нисколько, я угощаю.

Я встаю поцеловать ее на прощание и смотрю вслед, как ветер треплет гриву белокурых волос. Работа для Саши – точно такой же способ заполнить пустоту, даже если она этого никогда не признает.

Пока я расплачиваюсь с официанткой, от Саши приходит сообщение:

«Если хотите переделать мою комнату в гостевую, я не против. Спасибо за обед. XXX. P.?S. Подумай о моем предложении. Люблю тебя!»

Глава 4

Два дня после падения

На его лицо падает тень. Я тянусь к нему, пытаюсь снова обнять... Он обнажен. Слабый свет подчеркивает силуэт в полумраке. Я глажу пальцами гладкую кожу

на спине, впитываю его тепло. Он касается меня, и я кричу, сгорая от желания. Я хочу увидеть его лицо, понять, кто это. Даже несмотря на спящего рядом Роба я не хочу покидать этого мужчину, боюсь его потерять. Он притягивает меня к себе, мы оба как будто наэлектризованы. Я чувствую, что делаю нечто недозволенное, даже запрещенное. И опасное. Это не муж. Что за видение преследует меня – реальное прошлое или фантазия?

–?Джо, ты не спишь? – Надо мной возникает лицо Роба. – Принести таблетки?

– Нет-нет, все хорошо. Спи дальше.

Я резко сажусь в подушках, забыв о больном запястье, и делаю глубокий вдох, чтобы сдержать стон. Роб лежит на боку с закрытыми глазами. Его голова темнеет на белой подушке. В ее глубинах прячется все, что мне нужно. Вот бы вскрыть ее, как кокосовый орех, вычерпать ложкой все необходимое, выбросить остатки... Фу, до чего неэстетично! Как все-таки странно работает мозг: столько спутанных и обрывочных мыслей. А видения? Я жена и мать, верная, моногамная... ведь правда? Роб снова уснул. Я вылезаю из кровати и тихо закрываю за собой дверь.

На лестничной клетке темно, путь освещает только полоска лунного света из дальнего окна. Это единственное окно, на которое мы решили не ставить жалюзи; из него открывается грандиозный вид на долину, зеленые склоны и темные холмы. Смотришь и чувствуешь себя последним человеком на Земле. Правда, в столь ранний час идея глобального одиночества кажется немного пугающей, как и любая мелочь, когда все вокруг спят. Я прохожу мимо маленькой спальни, нащупываю на стене выключатель и вхожу в комнату, которую по-прежнему воспринимаю как комнату дочери. Двуспальная кровать стоит посередине, а не в углу, как раньше, постель не в цветочек, а приглушенно-зеленого цвета, с россыпью подушек в серых наволочках, в тон свежевыкрашенным стенам. Стола, фото и плакатов на стенах тоже нет; на потолке новая люстра. В шкафу, где раньше хранились Сашины зимние вещи, теперь пусто.

В ту ночь, когда мы отвезли Фина в университет, я тоже проснулась рано. Помню, как пошла в его комнату в темноте. Роб наработался за день – разгружал и загружал вещи, возил нас туда и обратно – и после секса уснул мертвым сном. Мысль о том, как мы были близки и как нежны друг с другом, которую я раньше принимала как должное, теперь для меня неожиданна. Впрочем, об этом потом.

В ту ночь я таращилась на прямоугольные цифры на электронном будильнике Роба и не могла уснуть. При мысли, что Фин там совсем один, мне становилось дурно. В ответ на мои бесконечные сообщения он прислал эсэмэску из одной буквы: «К». Я невольно улыбаюсь, хотя в целом тот период был довольно мрачным. Наверное, радуюсь, что заполучила новый кусочек «пазла», пусть даже несколько часов – мизер на фоне целого года. Я выключаю свет и ухожу. Пульсация в голове нарастает; пора пить очередную таблетку.

В кухне так же пустынно, как и наверху. Я приподнимаю жалюзи, чтобы взять с подоконника флакон с лекарством. За окном чернота; только когда глаза привыкают, видно темные очертания деревьев вдоль подъездной аллеи. Ветки не колышутся: ветер немного утих, дождь прекратился. Вдалеке в первых рассветных лучах просвечивают вершины холмов.

Я щелкаю выключателями и тут же зажимаюсь: точечные светильники над кухонным островком слепят глаза. Наливаю ледяной воды из кулера в холодильнике, принимаю две таблетки и вновь наполняю стакан. Мою жажду невозможно утолить, после больницы меня преследует ощущение сухости и запах антисептика на коже. Второй стакан я выпиваю более размеренно, разглядывая дверцу холодильника: всевозможные фотографии и открытки, прикрепленные магнитами. Я начала коллекционировать магниты, когда мы переехали. Огромный холодильник в американском стиле угнетал своей монументальностью, и яркие разноцветные пятна хоть как-то разбавляли жесткие линии. А может, дело не только в холодильнике. Весь бывший амбар состоял из прямых углов и больших пустых пространств, и холодильник стал для меня символом сурового дизайна. Переезд подействовал на всех: ради бывшего амбара на вершине холма мы оставили уютный дом с участком, порвали связи с соседями. Обставляя дом, Роб реализовал свою страсть к минимализму и четким линиям. Диваны из итальянской кожи, столики из дымчатого стекла, темно-серые жалюзи вместо гардин совершенно не вязались с моим представлением о семейном очаге, но Робу удалось меня убедить. Его четкие аргументы всегда брали верх над моими невнятными попытками возразить. Однако именно аляповатые дешевые магнитики я отстояла и в каждой поездке пополняла коллекцию. Я касаюсь их пальцами: яблоко из Нью-Йорка, дельфин с глянцевым знаком «Флорида», падающая Пизанская башня, раскрашенная во все цвета радуги. К счастью, каждый магнитик и каждое фото или открытку, которое он придерживает, я без труда узнаю. Дети на фото намного младше, их лица куда более искренние и доверчивые. Самодельные открытки ко дню рождения и на День матери, подписанные корявым детским почерком много лет назад. Радикально новых воспоминаний они не будят и все же радуют, как старые

знакомые.

– Джо? У тебя все нормально? – Роб кладет руку мне на спину. Горячая ладонь обжигает обнаженную кожу между бретелями ночной рубашки, и я резко оборачиваюсь. Он в одних трусах; лицо помятое и заспанное.

– Ты меня напугал. Я же сказала: спи дальше.

Обойдя Роба, я прислоняюсь к кухонному островку. Усталость и головная боль возвращаются с удвоенной силой.

– Помнишь? – Он показывает на магниты. – Я имею в виду поездки.

Роб теребит дельфина крупными пальцами и случайно отрывает от холодильника. Магнит падает, и только быстрая реакция моего мужа спасает его от неминуемой встречи с каменным полом.

Роб выпрямляется, и я забираю дельфина, невольно отдергивая руку при прикосновении и едва не роняя магнит снова. Затем кое-как леплю на боковую стенку холодильника: левой рукой неудобно.

– Разумеется, помню, – отвечаю я, снова проводя пальцами по своей коллекции. Флорида, Италия, Нью-Йорк. И тут я натыкаюсь на незнакомый магнит. – Кроме этого.

На магните изображен песчаный берег океана и пальмы. Роб наклоняется, касаясь моего плеча своим, и указывает на чуть заметную надпись. Я подхожу ближе, чтобы разобрать мелкие буквы без очков, а заодно увеличить дистанцию.

– Доминиканская Республика? – переспрашиваю я. – Видимо, это туда мы ездили в отпуск, о котором ты рассказывал?

– А ты не помнишь? – Теперь он уперся подбородком мне в плечо.

– Мне больно! – Я дергаю плечом. – Нет, Роб, я не помню! Сколько можно спрашивать одно и то же?!

Освободившись, я ковыляю к кухонному островку, вытаскиваю барный стул и пытаюсь на него залезть. Руки дрожат, и Роб бросается мне на помощь. На этот раз я не сопротивляюсь: самой мне туда не забраться. Усевшись, я кладу голову на прохладную гранитную столешницу и горько плачу, пока Роб не просит меня прекратить.

– Не могу! Мне страшно, ты не понимаешь?

Я поднимаю голову, ожидая, что Роб разозлится, но его взгляд исполнен жалости.

– Не бойся! Я расскажу тебе все, что нужно. Больно видеть, как ты страдаешь. – Он идет в другой конец нашей просторной кухни, мимо обеденного стола, берет с подоконника фото в рамке и ставит передо мной. – Вот, надеюсь, поможет. – Он ставит фото передо мной.

В серебряной рамке два кадра один над другим. Верхний напоминает вид на магнитике: пляж, пальмы и море. Ниже фотография нас с Робом. Снято с близкого расстояния, скорее всего на телефон. «Селфи», как сказали бы дети. Мы оба улыбаемся, прижавшись друг к другу на фоне золотисто-розового заката.

– На террасе после ужина. У нас был прекрасный вечер, – улыбается Роб. – Разве ты не... – Осекшись, он извиняется.

Утерев глаза, я смотрю еще раз и качаю головой. Мы выглядим счастливыми, но другие фото не вставляют в рамки. Может, так и было, а может, всего лишь поза для удачного кадра. Я снова задумываюсь о том, как изменилась после травмы. И заботливость Роба, и наше счастливое прошлое оставляют меня равнодушной.

Он берет фотографию в руки.

– Прекрасный был отпуск. Как второй медовый месяц.

– Да ну? – Мои слова звучат более резко, чем хотелось бы.

– Трудно поверить?

Роб относит рамку с фото на место и, вернувшись, выжидательно смотрит на меня. Влажные после сна волосы липнут ко лбу, на его обнаженный торс почему-то неловко смотреть. В наготе всегда есть какая-то уязвимость, никак не вяжущаяся со смутной угрозой, которой почему-то от него веет.

– Ладно, тебе надо поспать. Отдых очень важен.

Он помогает мне спуститься с высокого стула и ведет по коридору. Я изнемогаю от усталости и не сопротивляюсь. У подножия лестницы Роб оборачивается и подает мне руку, и в мозгу снова всплывает эта картина. Мы стоим на втором этаже, у лестницы. Он тянет ко мне руку, а я тороплюсь что-то сделать, пока он не смог помешать.

–?Джо, ты идешь?

– Я сама, – отвечаю я, отодвигая его руку.

Октябрь прошлого года

– Тебе даже не пришло в голову посоветоваться? – Я включаю громкую связь и прислоняю телефон к банке из-под томатного соуса.

– Я думал, ты обрадуешься. – Судя по звуку, Роб включает поворотник. – Джо, это пять звезд. Частный остров у побережья Доминиканской Республики. Коктейли круглосуточно. И никого – только ты и я. Подумай, мы толком так и не отметили мой день рождения, а скоро уже твой. Давай позволим себе небольшое безумство!

Я помешиваю булькающий болоньезе и обдумываю услышанное. Плохо, что Роб не посоветовался, но еще хуже, что он меня совершенно не понимает. Он довольно быстро принял тот факт, что дети теперь живут отдельно от нас, а значит, и я должна привыкнуть. А я не готова лететь за тысячи миль без детей, особенно без Фина. Еще рано.

– Не знаю... – Похоже, можно будет заморозить минимум две порции спагетти. Моя привычка готовить вдвое больше нужного неискоренима. – Давай обсудим

позже.

– Особо нечего обсуждать – я уже все заказал. – Голос Роба перекрывает громкий звук его клаксона. – Учись водить, идиот!

– А отменить нельзя? – Я отодвигаю телефон подальше от плиты и добавляю в соус соль и щепотку сахара.

– Сколько можно тормозить?! – Из трубки доносится приглушенное ругательство. – Думаю, нет. Да я и не хочу. Джо, ты тут?

– Да, извини. Просто это так неожиданно. Получается, на мой день рождения мы будем в отъезде?

– Нет, мы возвращаемся незадолго до него. Вылет четырнадцатого, нам надо еще сделать пару прививок и запастись лекарствами от малярии. Можешь завтра позвонить в поликлинику и записаться на следующую неделю?

Я откладываю деревянную ложку, беру телефон и, выключив громкую связь, говорю Робу, что идея прекрасная, и я ценю его широкий жест, но...

– Но что?

– Ты мог посоветоваться со мной.

– Это же сюрприз! Ты сама говорила, что нам нужно разнообразие. Что нужно развлекаться и куда-нибудь съездить.

Формально он прав, но я говорила об этом в теории, как о плане на будущее, с бокалом вина на уютном диване, и не имела в виду, что нужно сорваться прямо сейчас. Я зачерпываю ложкой соус и пробую на язык, едва не роняя телефон в кастрюлю. Пульс тут же немного учащается.

– Поговорим, когда я приеду, ладно? – Роб сбрасывает звонок.

Я кладу на стол телефон, затем ложку. В голове вертятся слова Роба. Разумеется, он прав, нам следует проводить больше времени друг с другом и

привыкать к новому статусу. Мы подготовили детей ко взрослой жизни, обеспечили приличный старт, а теперь пора уделить время себе. Уехать всего на неделю – вполне здравая идея. Мне следовало бы обрадоваться. Роб так старался, а я испортила сюрприз своими сомнениями... Я хватаюсь за телефон, чтобы позвонить ему, но останавливаюсь. Роб в дороге, в час пик вести машину непросто, да и связь прерывается. Действительно лучше поговорить, когда он придет.

Я оставляю соус томиться еще на час, чтобы мясо стало нежнее, а вкус – выразительнее. «Болоньезе» – любимое блюдо дочери и сына, муж к нему равнодушен; ничего, поест, никуда не денется. Затем спускаюсь в комнату на нижнем этаже и сажусь за стеклянный столик – его купили для нового кабинета, но он не вписался по размерам. Роб огорчился, а я была рада заполучить столик: с ним я ощущаю эту комнату своей территорией. Тут приятно сидеть за ноутбуком у окна, с видом на задний двор и садик. Пожалуй, это мое любимое место во всем доме – уютное и не такое помпезное. Мы собирались передать его детям в пользование, чтобы им было куда приглашать друзей. Приманка не сработала, хотя я еще надеюсь, что Фин поживет у нас год-другой после университета. Я открываю ноутбук и набираю в строке поиска «Доминиканская Республика – пять звезд», рассеянно наблюдая за малиновкой в саду. Надо бы опустить жалюзи, однако непонятная апатия приковывает меня к стулу, и я продолжаю смотреть в окно.

Сайт отеля довольно легко найти – он единственный расположен на частном острове. Пять звезд, как Роб и обещал. Фантастические отзывы. Судя по фотографиям, настоящий рай. И всего на семь дней. Что может случиться за одну неделю? Чем настойчивее я себя уговариваю, тем явственнее проступает страх оказаться за тысячи миль от детей. Да, формально они уже не дети, но и взрослыми их не назовешь. Саша то и дело просит помощи – в основном когда в ее каморке что-то ломается, а Фин даже еще толком не съехал, пишет нерегулярно и очень коротко. Вдруг он в депрессии? Или принимает наркотики? Роб говорит, что он просто «не нашел свой круг общения». С одной стороны, я согласна, с другой – Фин всегда был одиночкой и затворником. Ему свойственно замыкаться в себе при любых неприятностях.

Одолеваемая сомнениями, я поднимаюсь в кухню помешать соус. Надо дожждаться Робба: он найдет слова, чтобы я успокоилась. В конце концов, нелепо страдать от того, что тебя приглашают в пятизвездочный рай на частном острове. Я буквально слышу, как Саша бы фыркнула: «Что, мам, опять жемчуг

мелкий?»

Глава 5

Три дня после падения

Сон отступает. Я открываю глаза в темноте, но все еще вижу перед собой галерею лиц. Все они присутствовали в моей жизни в прошлом году. Некоторые мне знакомы, некоторые нет. Роб дышит размеренно и почти бесшумно. Я снова закрываю глаза. В океане лиц выделяются два – мужское и женское. Обоих я не помню; оба буравят меня взглядом. Я внимательно изучаю их черты. Мужчина моложе меня, нельзя сказать что красив, но обладает харизмой и уверен в себе. Лицо не разглядеть, выделяется только широкая улыбка.

Опасаясь выдать волнение, пусть даже в непроглядной тьме, я отгоняю прочь образ и вновь смотрю на Роба. Он крепко спит, уткнувшись носом в подушку.

Я смотрю на женщину, а она – на меня. Ее лицо кажется чужим – видимо, память о ней стерлась из-за травмы. Поначалу она держится вызывающе, затем умоляюще протягивает ко мне руки. При всей неприязни к этой женщине мне ее жаль. Она то ли насмерть перепугана, то ли убита горем...

С утра меня одолевает убийственная головная боль. Тревожные образы из ночных грез вызывают бесконечные вопросы. Я сажусь, подложив под затылок подушку. Судя по грохоту, Роб в ванной. Выходя, он озабоченно хмурится. Невозможно даже моргнуть без его пристального взгляда.

– Принеси, пожалуйста, мой ноутбук, – прошу я.

– Тебе нужен отдых. – Он подтыкает мне одеяло. – Не будешь слушаться, я останусь работать дома. А это на случай, если ты проголодаешься – гренки и сок. – На тумбочке стоит тарелка с завтраком.

Я прошу его не волноваться – мне гораздо лучше. Роб идет к шкафу и достает из ящика пару аккуратно свернутых серых носков. Наверное, я сама сортировала

его белье пару дней назад... не помню.

– Так велел твой консультант – он недавно звонил. – Роб оборачивается через плечо. – Сейчас важнее всего отдых.

– А когда это было? Я не слышала звонка.

– Ты спала. Я сказал ему, что тебе гораздо лучше.

– Все будет хорошо, – отвечаю я, про себя возмущаясь самонадеянностью мужа.

– Врач сказал, что тебе нужен полный покой. – Роб садится рядом на кровать. – Может, мне все-таки остаться и приглядеть за тобой?..

Я уже выдержала два дня постоянного надзора, бесконечно отчитываясь о своем самочувствии.

– Не надо. Обещаю отдыхать, – вымученно улыбаюсь я.

– Прекрасно. – Роб встает и вручает мне новый телефон, который привезли утром. – Тут есть все: почта, список контактов и прочее. Незачем спускаться за ноутбуком.

– Спасибо, я бы и сама справилась. – Я беру телефон и нажимаю на иконку «Почта», удивляясь неожиданно охватившему меня трепету.

– Почту я только что проверил, – сообщает Роб, заглядывая через плечо и встряхивая свернутые носки, чтобы расправить. – Ничего интересного.

– Мог бы предоставить это мне! – отвечаю я, пролистывая свежие письма.

Он прав: ничего интересного, сообщение от службы доставки супермаркета о возврате денег за перезревшие авокадо, скидочные коды от сетевых ресторанов и напоминание о пропущенной записи к стоматологу. Я откладываю телефон.

Роб в накрахмаленной рубашке сидит на кровати спиной ко мне, ссутулив плечи. Подтягивая к груди костлявые ступни – живое пособие по строению скелета, – он надевает носки. Волосы на загорелой шее аккуратно пострижены. Поднявшись, он по очереди просовывает длинные ноги в костюмные брюки и напоследок подходит поцеловать меня в макушку. Я молча жду, когда он направится к двери, а он продолжает пялиться, как будто до сих пор решает, можно ли оставить меня одну на весь день.

– Иди уже! Сколько можно?! – кричу я.

Мне не терпится добавить, что я не вынесу еще день под его неусыпным контролем, когда каждое мое слово и каждый жест подвергаются скрупулезному анализу. Что я чувствую себя подопытным кроликом, которого всячески исследуют, и что я буквально задыхаюсь от его заботы. Но я молчу, видя обиду и боль в глазах Роба.

Он отступает на шаг и смотрит на меня – не враждебно, как я ожидала, а огорченно.

– Я понимаю, что кажусь... Прости, я постараюсь не давить.

Мне невольно вспоминается, что примерно так же он вел себя всегда после крупных ссор – не мелких недоразумений, без которых не обходится ни одна пара, а грандиозных скандалов, которые можно пересчитать по пальцам одной руки. Поводом служили деньги, дети или новый дом. После вспышек гнева Роб обычно становился тише воды ниже травы. Интересно, нынешнее его раскаяние связано с нашей ссорой на лестнице? Что он пытается загладить?

– Тебе пора на работу, – сухо говорю я. – А то я с ума сойду.

– Прекрасно, – делано веселым тоном говорит Роб. – Я чувствую, когда меня не хотят видеть.

Он снова открывает шкаф и, вынув галстук, завязывает узел перед зеркалом в ванной. Я жду продолжения диалога.

– Пообещай, что не будешь садиться за руль, – кричит он из ванной. – И выходить из дома. И вообще, что будешь все время лежать в постели.

– Обещаю.

Роб возвращается в спальню.

– Каждый час присылай сообщение. Иначе я немедленно приеду.

Я поднимаю блестящий новенький телефон.

– Договорились.

– Я надеялся, что Саша заедет тебя проводить в обед. К сожалению, она сегодня занята, а с Финном я не могу связаться. Хочешь, сделаю тебе сэндвич?

– Поезжай наконец!

Роб медлит, глядя на меня, как будто собирается что-то сказать. Его высокая фигура заполняет почти весь дверной проем. Уже на пороге он оборачивается.

– Я беспокоюсь, как ты будешь ходить по лестнице.

Я выдерживаю паузу. Интересно, зачем он это сказал? Проверяет, много ли я помню? Увы, нет. Я отвечаю, что буду крайне осторожной. Наконец Роб уходит. Я смотрю в окно спальни, как он шагает под проливным дождем с сумкой для компьютера под мышкой. Он машет мне рукой и торопливо садится в машину.

Даже после его отъезда я никак не могу оторваться от окна, словно опасаясь, что Роб передумает и вернется. На миг я даже допускаю мысль, что обрадуюсь – из-за нахлынувшего ощущения одиночества и пустоты. Я провожу по стеклу пальцем здоровой руки, пытаюсь коснуться каплей дождя, и прижимаюсь пылающим лбом к прохладному окну.

Я и правда еще не отвыкла от детей. Рассудок говорит, что времени прошло достаточно, но все еще не осознаю, что Фин съехал уже год назад. По ощущениям, они с Сашей недавно были здесь, и она переселилась совсем

незадолго до поступления брата в университет. Когда дети были помладше, поездки в школу и обратно казались мне бесконечными. Я торопила события, злилась, что не остается времени на себя. И вот теперь годы пролетели, и мне не хватает этой рутины. По злой иронии судьбы, год, который ушел на адаптацию, теперь потерян. Перед тем как проводить Фина в университет, я пыталась представить себе новую жизнь – отдельную от детей. Другую, но не хуже прежней. Интересно, удалось ли мне заполнить образовавшуюся пустоту? Может, я нашла новый смысл? Нечто опасное и запретное?.. Внезапное предположение приводит меня в ужас. Неужели я могла рисковать нашим браком? Даже представить страшно.

Я заставляю себя отклеиться от окна и иду по коридору, вдоль опустевших комнат. Столько всего изменилось... голова кругом. Бывшая гостевая, а ныне кабинет Роба, обставлена мебелью в подчеркнуто мужском стиле, явно не по моему выбору. А бывшая Сашина комната при дневном свете выглядит совершенно безликой, как стандартный гостиничный люкс: идеальный порядок и ни капли индивидуальности. Да, она обставлена со вкусом, не исключено, что я и сама приложила руку к ее оформлению, но зачем? Разве к нам приезжают гости? Комната Фина гораздо больше похожа на прежнюю, и это еще тревожнее – как будто его переезд не окончателен.

Вот и лестница. В задумчивости я спускаюсь и снова поднимаюсь, а затем иду в ванную и включаю в душе воду. Раздеваясь, разглядываю свои синяки. Одни побледнели, другие, наоборот, потемнели. Я снимаю эластичную повязку с руки и становлюсь под душ. Мелкие порезы на запястье снова бросаются в глаза. Правда, бьющие по шишке на темени струйки воды не дают о них подумать. Морщась от боли, я едва не падаю и хватаюсь руками за стенки кабины, но желание впервые за долгое время вымыть голову побеждает. После этого, замотав голову полотенцем и набросив халат на еще влажное тело, я опускаюсь на закрытое туалетное сиденье. В глазах темнеет от усталости, и я отдыхаю, опираясь спиной на твердый фаянс. Наконец мне хватает сил снова закрепить повязку, приятно сдавливающую запястье. В окно спальни видно, что дождь продолжается. Окружающий мир холоден и безжалостен; свинцово-серое небо проливается на землю крупными каплями, которыми ветер с размаху хлещет в стекло. Я кладу под голову свернутое полотенце, чтобы не замочить подушку, и вытягиваюсь на постели. Поначалу пытаюсь расслабиться, но стоит закрыть глаза, как в голову настойчиво лезут вопросы. Видимо, поспать не получится. Я беру новый телефон и, щурясь, смотрю на экран, потом нахожу на тумбочке очки. Роб скопировал туда несколько номеров – детей и свои рабочие, но я точно помню, что в старом телефоне контактов было больше. Я силюсь вспомнить, кого

же там не хватает, однако мной завладевает другая мысль – о том, что между нами с Робом вырос невидимый барьер, невысказанный и непреодолимый. Мы оба настороже. Он мой муж, любит меня и готов ради меня на все, но его любовь стала навязчивой, а забота – удушающей. Похоже, за последние двенадцать месяцев случилось нечто, изменившее нас обоих. Нечто, о чем никто не хочет мне рассказывать. Размытые видения терзают душу. И в них отнюдь не Роб.

Он полулежит; его лицо скрыто в полумраке. Он так прекрасен, что у меня перехватывает дыхание, а по телу пробегает дрожь. Я тянусь к нему, провожу рукой по изгибу талии, по мускулистой спине и бедрам. Кожа упругая; он моложе Роба.

Я всегда была верной женой, я не оступалась. Нужно отдохнуть и выбросить всю эту чепуху из головы. Убрав полотенце, я ложусь щекой на прохладную подушку. Вскоре мной овладевает сон – просто тьма, без сновидений, без единого лица и образа, за исключением эпизода из отпуска, запечатленного на фото. При виде наших счастливых лиц мне становится неуютно. Картина блекнет, оставляя в голове неясную и тяжелую путаницу из обрывков мыслей, от которой не избавляет даже настойчивый звонок домашнего телефона.

Октябрь прошлого года

Длинные ряды столов застелены белыми скатертями. Отдыхающие у бара приступают к вечерним коктейлям, оглашая окрестности беззаботным смехом. Мы тут третий день и уже дважды отклонили приглашение присоединиться. Роб предпочитает мое общество компании соотечественников. Я разглядываю меню – довольно бестолковый ассортимент блюд, которые считаются здесь европейской кухней. По внешнему виду ни за что не угадать ни вкус, ни состав, и приходится вслепую доверяться поварам. Тем не менее голодные британцы толпятся у экзотически сервированных подносов: им не отбить аппетит даже самыми вычурными сочетаниями вкусов. Окинув взглядом свою тарелку, я решаю не прикасаться ни к чему, кроме небольшого стейка. Мясо оказывается на удивление нежным.

– Тебя ничего не смущает? – спрашиваю я Роба. – Смотри!

Я указываю на вереницу отдыхающих в браслетах. По тону загара можно почти безошибочно определить, как давно приехал каждый из них. Все без исключения – европейцы или американцы, только однажды мне встретилась в лифте милая женщина из Канады.

Он хмурится.

– А что меня должно смутить?

– Одни белые. – Я понижаю голос. – Привилегированная раса.

– Не говори ерунды! – Роб ловко подхватывает вилкой кусок лосося. – Мы на Карибах, естественно, персонал весь местный.

– Вот именно. А среди туристов одни белые.

– Ну а с какой стати тут отдыхать местным? – Он явно не понимает, о чем я.

Впервые эта мысль меня поразила в первое утро после нашего прибытия, когда я вышла на балкон и окинула взглядом все великолепие крошечного островка. Мы вселились накануне поздним вечером, вымотанные длинной дорогой: сначала девятичасовой перелет, потом четырехчасовой частный трансфер с риском для жизни. Видимо, наш водитель виртуозно владел искусством экстремального обгона, каждый раз балансируя на грани катастрофы. Интересно, что хуже – если погибну я или Роб? Наконец, когда мне стало казаться, что конца пути не будет, мы пересели в частную лодку, которая за десять минут домчала нас на остров. Правда, ее немилосердно качало на волнах, и лицо женщины, сидящей напротив, постепенно принимало насыщенный серый оттенок. Уже стемнело, и мы не могли насладиться видом из своего люкса. Фантастическое зрелище открылось только на следующее утро: белоснежные виллы в колониальном стиле, ухоженные сады, пляжи, и в центре комплекса – огромный голубой бассейн с мягкими шезлонгами и отдельными кабинками (всегда накрытыми полотенцами еще до завтрака). Я позвала Роба. Он обнял меня за талию, обронил, что знал, что мне понравится, и пошел дальше искать свой «Киндл»[2 - Электронная книга.], чтобы читать у бассейна.

– Да, тут очень красиво, – ответила я. – Извини, что поначалу не оценила.

– Ничего, для тебя это вполне типично. – Судя по тону, Роб скорее не язвил, а добродушно подшучивал.

И вот тогда я заметила тележку для гольфа, петляющую вверх и вниз по извилистым тропинкам, ведущим от вилл к ресторанам и барам. В тележке сидел упитанный турист в узеньких плавках, а юный стройный доминиканец, весело улыбаясь, тащил тяжеленный груз на очередную трапезу. Я отвернулась: все же я всегда причисляла себя к среднему классу, а не к сливкам общества. С другой стороны, это все двойные стандарты, ведь я носила точно такой же браслет, как и тучный пассажир, а значит, была с ним «в одной лодке».

– Я не говорю, что местные хотят тут отдыхать. – Я отправляю в рот последний кусочек стейка и, оглянувшись, понижаю голос: – Меня просто поразило, что в этой очереди исключительно белые.

– Не говори глупостей, – прищурившись и хмуря брови, отвечает Роб.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я! – Отложив вилку, я делаю глоток вина.

Я смотрю на двери, ведущие в просторный внутренний дворик, на пляж, освещенный закатным солнцем. У моря виднеется еле различимый силуэт: юноша с граблями ровняет песок. Прохладный вечерний бриз доносит запах соленого прибоя.

– У меня хотя бы совесть есть, – бурчу я себе под нос.

– То есть, по-твоему, у меня ее нет? – интересуется Роб.

– Я этого не говорила, но... разве ты не чувствуешь себя неловко? Мы тут как высшая каста: валяемся на шезлонгах, а нам подают коктейли и всячески убажают. Мы и на пенсии так будем жить – выпивать и объедаться?

– Не будем. Но мы ведь заработали на этот отпуск, почему бы не получить удовольствие? Кроме того, своими долларами мы поддерживаем местную экономику. – Он намазывает маслом очередную булочку. – Мы не угнетатели, а гости.

– Да, я знаю. – Я с благодарностью киваю официантке, и та доливает в мой стакан воды. – Наверное, дело в том, что я уже сто лет как не работаю. Не могу отделаться от ощущения, что не заслужила подобной роскоши.

Роб добродушно отчитывает меня, уверяя, что моя работа – воспитание детей – самая сложная.

– Ты отлично потрудилась. Мы оба молодцы.

Пожав плечами, я отвожу глаза.

– Может быть.

– Чем хочешь заняться завтра?

Роб отодвигает тарелку. Несмотря на рекордные объемы поглощенной еды за последние несколько дней, он по-прежнему гибок и строен, разве что рубашка чуть плотнее облегает живот.

– Можно встать пораньше и занять кабинку у бассейна, – предлагаю я. – Или пойти на урок сальсы в одиннадцать.

Роб морщит нос.

– Кабинка – это хорошо. Пожалуй, в следующий раз выберем отель, где поменьше мероприятий. – В его голосе слышится нотка раздражения. – Терпеть не могу организованные развлечения.

– Только сначала сделаем перерыв, – говорю я.

– Ты все еще волнуешься из-за детей?

– Тебе не кажется, что Фин пропал? Я знаю, он всегда мало пишет, но сейчас...

Роб произносит привычную тираду, мол, нужно дать сыну освоиться в университете, и наверняка он хочет оставить нас в покое хотя бы на время

отдыха.

– Иногда я думаю, не из-за нас ли Фину трудно заводить друзей, – говорю я. – Мне нравится наш новый дом, но Саша и Фин были еще совсем детьми, когда мы туда переехали.

– Правда? Тебе правда он нравится?

Это предмет давних споров. Стоит заговорить о доме, и Роб начинает спрашивать, правильно ли мы сделали.

– Это было наше общее решение, – улыбаюсь я. – Мы просто воплотили мечту.

– А мы мечтали о таком доме? – Роб морщит загорелый лоб.

– Думаю, да. – Я задумчиво верчу в пальцах бокал. – Теперь, когда мы остались вдвоем...

– Не совсем! Фин приезжает на каникулы.

– Согласна, не совсем. И все же мне кажется, нам бы хватило жилья поменьше, но поближе к городу и твоей работе. Ты бы ездил на работу на велосипеде, я бы ходила в город, встречалась с Сашей. И Фину было бы проще до нас добираться.

– А я думаю, простор – это хорошо. Например, Фин может привести девушку. А Саша наверняка найдет парня, который вытащит ее из унылой каморки, потом родит кучу детишек, и у нас дом все время будет полон гостей. – Роб с улыбкой берет меня за руку. – Давай подождем годик-другой, посмотрим, как нам живется вдвоем.

– Не то чтобы я спешила стать бабушкой... – отвечаю я, немного уязвленная, что он так пренебрежительно отнесся к моей идее.

– А я не спешу спать с бабушкой. – Роб стискивает мою руку. – Идем поищем того бармена на пляже. Боюсь, больше никто здесь не умеет готовить коктейли. Чемпи-он, – передразнивает он парня.

Мы идем по террасе, любуясь великолепным закатом.

– Давай сделаем «селфи». – Роб тянет меня к балюстраде и поднимает телефон выше. Я улыбаюсь, слыша слово из жаргона детей. Роб крепко обнимает меня за талию, но слишком долго возится с настройками, и моя улыбка становится напряженной.

Наконец он делает снимок и демонстрирует мне результат. Улыбка неожиданно выглядит вполне естественной, а мы оба – счастливыми.

– Отлично вышло! – Я возвращаю ему телефон.

– Джо, мы прекрасная пара, – говорит Роб, разглядывая кадр. – И так будет всегда.

Глава 6

Три дня после падения

Я касаюсь его обнаженной спины. На мягкой, но упругой коже блестят капельки пота. Я провожу пальцами по его бедру, узкой талии, широким плечам. Все тело дрожит от предвкушения.

Резко проснувшись, я сажусь и мотаю головой, словно хочу встряхнуть оттуда образ неизвестного мужчины. Затем освобождаю ноги из скомканной простыни и оборачиваюсь к тумбочке, где стоит будильник Роба. Уже почти вечер. Время тянется бесконечно, но стоит задремать – и нескольких часов как не бывало. Погруженная в тревожные мысли, я не смогу вспомнить, что было днем. В старой деревянной постройке неважная звукоизоляция, и снизу постоянно доносились шаги Роба – он и день не продержался на работе. Сначала он разбудил меня звонком – я не проспала и двух часов. Оказывается, он раз десять звонил мне на новый телефон и рассердился, что я выключила звук, когда шла спать.

Я откидываю одеяло и убеждаю себя, что видения с обнаженным мужчиной – всего лишь сон, а не воспоминание. Голова буквально налита свинцом, во рту

привкус горечи. Я думала, что за эти несколько дней память прояснится, однако прошлое будто дразнит меня – на миг показывается и исчезает снова. Я привстаю и смотрю на телефон, затем ложусь и заставляю себя вспоминать момент падения, пытаюсь увязать между собой известные факты.

По словам медсестры, было шесть часов две минуты. Очнулась я на полу после удара головой о стену – отпечаток в штукатурке тому подтверждение. Я осторожно трогаю пальцем шишку – она уже меньше и не такая болезненная. Падая, я отчаянно пыталась за что-то ухватиться правой рукой – за перила, за стену, за Роба? А потом потеряла сознание... Я ворочаюсь, устраиваясь поудобнее. Сосредоточься, Джо! Думай! Мы с Робом были на лестничной клетке. Ссорились, причем начали еще в спальне, а потом он догнал меня наверху лестницы. Роб говорит, что я оступилась, но сама я этого не помню.

Перед глазами вновь встает обнаженный мужчина, и я испытываю острое чувство вины. Может, лучше не знать, что произошло за этот год? Похоже, Роб именно так и думает, судя по тому, как он контролирует общение детей со мной и как скупое выдает подробности, несмотря на мои бесконечные расспросы.

Сев спиной к подушке, я прислушиваюсь к звукам снизу. Пищит микроволновка, и пахнет разогреваемой едой. От перспективы совместного ужина я прихожу в ужас. Что меня так пугает?

Я осторожно спускаюсь по ступенькам и захожу в кухню. Роб что-то выкладывает на тарелки из пластикового контейнера. При виде студенистого блюда мой аппетит, поначалу возбужденный запахом, притупляется. Роб удивленно смотрит на меня и чуть заметно улыбается.

– Я думал, ты спишь. Собирался принести ужин наверх.

– Незачем. Я вполне способна передвигаться.

Я открываю ящик, чтобы взять сервировочные салфетки. Роб мягко отстраняет мою руку и ведет меня к столу, приобняв и поддерживая под локоть.

– Я же сказала, что могу сама! – возмущаюсь я, высвобождаясь из объятий.

Он раскладывает салфетки, ставит передо мной тарелку, стакан воды и кладет рядом две таблетки. Я сосредоточенно жую резиновые спагетти из микроволновки. Роб тоже приступает к еде. Ужин проходит в молчании; чувствуется, что нас разделяет нечто большее, чем деревянная столешница. Как же нам удалось всего за год перечеркнуть двадцать три года брака и стать практически чужими? Я ловлю на себе пристальный взгляд Роба, словно он изучает меня под микроскопом. Собственно, и я занимаюсь тем же.

– Завтра съезжу за продуктами, куплю на ужин что-нибудь попроще. В местном выборе практически нет.

Я смотрю на окно за его спиной. Хотя почти стемнело, жалюзи по-прежнему открыты, и по стеклу барабанит дождь. Странно, Роб так мчался домой – по его словам, пришлось прервать совещание – и при этом завернул в магазин за спагетти. Когда я проговариваю это вслух, он отрывается от тарелки. Конечно, он волновался, но нам ведь нужно поужинать.

– Такое ощущение, что я постоянно должен оправдываться.

– Именно так, – отвечаю я и меняю тему прежде, чем он успевает ответить. – А разве в морозильнике ничего не было? – Я как сейчас вижу батарею пакетиков с замороженным соусом болоньезе, разлитым из бурлящей кастрюли, – в каждой порция на двоих.

Роб идет к морозильнику и вынимает два окаменевших пакетика с красно-коричневой массой. Я киваю, глотая таблетку.

– На ближайшее время хватит.

Роб кладет пакетики обратно со словами, что они заморожены несколько месяцев назад, и садится за стол.

– Ничего страшного, – отвечаю я.

Не в этом дело, говорит он. Важно, что я вспомнила о замороженном соусе.

– Я всегда готовила про запас, – отмахиваюсь я. – Это общее воспоминание, в нем нет ничего конкретного.

– А что-нибудь еще тебе вспоминается? – Роб касается моей руки через стол.

– Нет. – Я отдергиваю руку. Как мне надоел этот вопрос! Если бы я вспомнила что-то важное, то сказала бы. Хотя... Мысль о том, что Роб многое скрывает и что у меня самой есть секреты, отчасти объясняет, почему я его избегаю. – А где сейчас дети?

– Я велел им сегодня не приходить. Тебе нужен отдых.

– Я не о том! – Я делаю глоток из стакана. – Где они живут?

Для цельной картины необходимы факты, которыми пока что безраздельно владеет Роб. Странно не знать, где живут мои собственные дети.

– Я уже говорил: Фин живет с другом по имени Райан, а Саша с Томасом, как ни печально.

Я сдерживаю порыв расспросить подробнее о Саше и Томасе: если я отклонюсь от темы, то забуду, что хотела выяснить. После травмы меня вообще легко отвлечь, так что восстанавливать события трудно, тем более что из Роба лишнего слова не вытянешь. Наверное, стоит вести записи – бумага с ручкой надежнее, – но тогда придется их прятать и не забыть, куда спрятала. Серьезная морока.

– Мне нужны их адреса. – Я жалею, что не захватила новый телефон – могла бы сразу записать все данные.

– Так срочно? Мы ведь ужинаем.

Да, срочно, отвечаю я. У меня амнезия, а он как будто специально мешает мне восстанавливать память. Я выжидательно смотрю на него.

– Неправда, – вздыхает Роб.

– Тогда скажи мне, где они живут, – настаиваю я. – Чтобы я могла себе это представить.

Итак, Саша быстро переехала к Томасу – довольно неожиданно для нашей привередливой старшей дочери. Они живут в квартирке над баром – по сравнению с плесневелой каморкой, прогресс. Я пытаюсь представить «Лаймз», где работает Томас. В памяти всплывает смутная картина, как я стою через дорогу от бара и вглядываюсь в окна. По словам Роба, мы там никогда не были, и я благоразумно держу эту информацию при себе. Кстати, насчет привередливости я не ошиблась: на новом месте Саше не понравилось – слишком шумно и тесно, – и Роб снял для нее квартиру с видом на парк, в новостройке. Кажется, я понимаю, о каком районе речь. Жилье там действительно отличное и наверняка стоит целое состояние.

– И во сколько обходится аренда? – спрашиваю я.

– Лучше тебе не знать.

– Наш бюджет выдерживает?

– С трудом. – Роб трет глаза.

Зато наш сын устроился куда скромнее. Название улицы мне не знакомо, но я знаю те места. Бедный район, длинные ряды одинаковых облезлых домиков, на телефонных проводах, пересекающих узкие улочки, висят спортивные штаны – говорят, что это условный сигнал «есть наркотики». По словам Роба, у Фина в гостях мы не были, только у Саши.

Роб самозабвенно распинается, как дети выросли и как это все естественно. Я глотаю вторую таблетку и, уклоняясь от испытующего взгляда мужа, рассматриваю фото за его спиной. Фото из отпуска, который я не помню.

Роб оглядывается через плечо, пытаюсь понять, что привлекло мое внимание.

– Ты хоть что-нибудь о нем помнишь? – Он встает снять фотографию в рамке.

– Практически нет. – Меня одолевает приступ кашля, и таблетка застревает в горле. Я запиваю горечь водой.

Роб любуется нашими лицами на фоне заката.

– Жаль. Мы были так счастливы. – Он снова показывает мне фото. – Идеальная пара.

Я оставляю его убирать посуду и медленно поднимаюсь по лестнице, держась за перила здоровой рукой. Он сообщил мне адреса Саши и Фина, значит, тут нет никакого секрета. На верхней площадке я понимаю, что уже забыла номера домов. Дороже детей у меня ничего нет, а я даже не помню, где их найти.

Ноябрь прошлого года

Несмотря на странный выбор места для обеда («Парк в ноябре? Саша, ты уверена?»), я рада встрече. Скорее всего, дело не в любви к свежему воздуху, а в финансах, хотя я убеждала ее, что с удовольствием заплачу.

– Хорошо отдохнули? – Саша подбрасывает опавшие листья носком грубых сапог, которые я раньше никогда не видела.

Не могу сказать, что меня так уж волнует ее обувь, но эти сапоги смотрятся чересчур неженственно даже на юной и стройной фигуре. Они диссонируют с длинными мягкими волосами; кажется, что у нее, как в детской игре, верхняя половина от одного героя, а нижняя – от другого. Фин в детстве обожал соединять пиратов и балерин, фермеров и овец. Помню, как я радовалась, слыша его беззаботный смех. Пожалуй, счастливее всего он был до школы. От этой мысли становится невыносимо грустно, и я чуть не забываю ответить Саше.

– Такое ощущение, что нас не было сто лет. Уже почти две недели, как мы вернулись.

– Это упрек? – В знак протеста она подбрасывает листья еще выше. – Я тебя не избегаю, просто дел невпроворот.

Нет, всего лишь констатация факта, заверяю я и тут же удивляюсь, что говорю в стиле Роба. Впрочем, Сашу ответ удовлетворяет.

– Конечно, было бы здорово видаться почаще, – говорю я. – Например, я бы показала тебе наш новый ремонт.

– Мам, я скоро заеду! – Она не то обороняется, не то отмахивается с неуловимой ноткой превосходства, как будто ее согревает некая тайна, которой она не готова делиться с матерью. – Ну правда, дел по уши!

– Например? – подначиваю я, изображая уверенность в себе. Мне снова хорошо: любимая дочь рядом, под ногами шелестят бурые листья. Внезапно меня осеняет. – У тебя кто-то есть?

Саша высвобождает руку и молча идет дальше, однако ее губы трогает озорная улыбка.

Мы садимся на скамейку в самом укромном уголке, который удалось найти, – под голыми ветвями дерева. Мы не виделись месяц: после нашего возвращения Саша две недели не могла найти время встретиться. В ожидании я ходила за рабочими с тряпкой и пылесосом и бесконечно готовила им чай. Они обещали закончить к нашему возвращению, а на деле ремонт завершился только сейчас. Потом мы разбирались со столом, который не влез в кабинет, и новыми жалюзи, но наконец все позади. Как ни странно, ремонт меня совершенно не вдохновлял; всем руководил Роб, даже выбором цветов для бывшей Сашиной комнаты и подчеркнуто массивной мебели для своего нового кабинета. Для меня главное было – навести порядок за оставшиеся до дня рождения две недели.

Саша достает из рюкзака контейнер для еды и, поддев ногтями ободок, снимает голубую крышку. Наружу вырывается затхлый воздух. Она объясняет, что это блюдо для веганов – смесь чечевицы с бобами, хотя пахнет оно скорее рыбными консервами.

– А у тебя что? – Она с любопытством наблюдает, как я разворачиваю объемистый пакет с сэндвичами.

– Твое любимое – чабатта с тунцом. – Я протягиваю ей сэндвич. – Я уговариваю отца похудеть после праздников, и мы стараемся есть меньше мяса.

– А я стараюсь не есть мясо и рыбу. – Подмигнув, Саша берет сэндвич и вытряхивает содержимое контейнера в урну.

– Твой новый парень – вегетарианец? – спрашиваю я, откусывая хлеб с тунцом. Остальное я хочу сберечь для Саши; если у нее роман, то явно на стадии, когда от любви худеют. Стадия уюта и округлостей еще впереди.

– Не понимаю, о чем ты, – говорит она с набитым ртом. И добавляет с улыбкой: – Вообще-то он веган.

– А ты нас познакомишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду тест М. Люшера, позволяющий измерить психофизиологическое состояние человека.

2

Электронная книга.

Купить: https://telnovel.com/reynol-ds_amanda/slishkom-blizko

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)